

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Ольга СЕМЕНОВА

ЗАБЫТЫЙ ВАСИЛЕВС

Всемирная история в романах

Ольга Семенова

Забывтый василевс

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Семенова О. Ю.

Забытый василевс / О. Ю. Семенова — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-3377-1

XII век. Андроник I оказался последним представителем династии Комнинов на византийском престоле. Великий и многочисленный род Комнинов много десятилетий подряд уничтожал сам себя в яростной борьбе за власть, а Андроник, невольно участвуя в этом, прекрасно видел, к чему идёт дело. Но если ты один опустишь руки и покаянно склонишь голову, всеобщая борьба не остановится. Один человек не изменит судьбу династии. Зато один правитель, возможно, изменит судьбу государства, которое точно так же уничтожает само себя. Византия на краю гибели, и только Андроник способен отвести её от края. Однако судьба дала этому василевсу совсем немного времени, чтобы попробовать. Почти всю жизнь он потратил на то, чтобы просто отстаивать своё право на достойное существование.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-3377-1

© Семенова О. Ю., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Об авторе	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Юлиановна Семенова

Забывтый василевс

© Семенова О.Ю., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Об авторе

Ольга Юлиановна Семенова родилась в Москве в 1967 году. После окончания Щукинского училища в 1988 году некоторое время служила в театре «Современник» и писала для изданий «Московский комсомолец», «Огонек», «Совершенно секретно» и «Московская правда».

В 2006 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии ЖЗЛ вышла ее книга об отце, писателе Юлиане Семенове.

В 2007 году в издательстве «Вече» вышла ее книга «Париж» об истории и архитектуре французской столицы.

В 2008 году для издательства «Вече» ею был подготовлен двухтомник «Неизвестный Юлиан Семенов. Умру я ненадолго» о жизни и творчестве ее отца, объединивший уникальные документы из семейного архива и воспоминания современников писателя.

В 2010 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла ее книга «Повседневная жизнь современного Парижа».

В 2016 году Ольга Семенова сняла документальный фильм «Заданность Добра» о жизни и творчестве Юлиана Семенова (сценарий А.В. Репина).

В 2017 году в издательстве «Вече» опубликована ее книга «Париж. История великого города».

В 2024 году в издательстве «Московская правда» вышла книга «Юлиан Семенов глазами дочерей. Мгновения и вечность» в которую вошли рассказы, стихи и переводы Ольги Семеновой, а также живопись и графика ее старшей сестры Дарьи.

Ольга Семенова основала дом-музей ее отца «Вилла Штирлиц» с бесплатным входом и экскурсией для посетителей и является его директором.

Совместно с Союзом журналистов Москвы учредила журналистскую премию им. Юлиана Семенова в области экстремальной геополитической журналистики.

В течение нескольких лет собирала материалы и работала над книгой «Забытый василевс». Это новое историческое произведение Ольги Семеновой рассказывает о Византийской империи и непростых судьбах реальных исторических персонажей.

Глава 1

Константинополь

Летние ночи Константинополя коротки. Только затихла толчея на улицах, закрылись таверны, погасли огни в порту бухты Золотого Рога и уснули на плитах крытых галерей нищие, как небо над морем светлеет. В предрассветном тумане лодочки рыбаков утыкаются носами в песчаный берег. Поджидающие их торговцы берут ночной улов и везут на рыбный рынок Большие Камары. Ипподромные служки выводят из стойл радостно фыркающих коней. В дворцовых садах с каштанами и финиковыми пальмами воркуют горлицы. Тревожно кричат чайки над Босфором. В порту разносятся хриплые голоса грузчиков. Над городом плывет благовест – церковные колокола зовут на утреннюю службу. На улицы выходят разносчики и странствующие работники.

– Берите молочную сыворотку! – басит торговец с бутылочной тыквой на спине.

– Рыба, свежая рыба! Скумбрия, кефаль, пеламида! – тараторят мальчишки с рыбными лотками.

Овощник толкает перед собой тяжелую тележку, зычно перечисляя:

– Бобы, морковь, лук, горох, чечевица, артишоки, спаржа!

Девушка с сеточкой из серебряных шнурков на смоляных волосах, одетая в красный хитон, зовет с порога дома бродячего портного:

– Сюда, работник, подшей мне платье и возьми монету!

Августовское солнце раскаляет бело-розовый мрамор дворцов, высокие дома коричневого кирпича богатых венецианцев, лачужки и дубильные мастерские кожевников в предместье Пера. Вонь от вымокающих в огромных чанах шкур разносится далеко, поэтому по приказу городского начальства кожевники ютятся на отшибе. На улицах красивейшего города мира, Второго Рима, должно пахнуть лишь хвоей из дворцовых садов, ладаном из открытых дверей храмов и мускусом с амброй из парфюмерных лавок.

Под широкими портиками главной улицы – Месы – течет людской поток. Хозяева домов – чиновники и знать – отдали первые этажи под лавки и мастерские. Помещения совсем крошечные, без окон: мастера и торговцы сидят с товаром почти на улице. Но аренда высока, свободных мест нет, а все дорожат работой и соблюдают указание всесильного эпарха ¹избегать конкуренции, поэтому товар у купцов берут по одинаковой цене и не меняют установленную для продажи. В «Книге эпарха» ²приказано следить друг за другом, чтобы никто не удешевлял товар, нарушитель устава будет бит, острижен и отправлен в ссылку. Менялы с цепкими пальцами быстро считают в своих закутках монеты. Стучат молоточками серебряных дел мастера в Серебряном ряду. В Шелковом и Пурпурном кварталах продавцы торопливо отмеряют модницам разноцветные отрезы. На улицах богатые ромейки целомудренно прикрываются плотными накидками – мафориями, зато дома каждый день меняют тонкие шелковые платья, и торговля идет бойко. Весь день людно в Хлебном квартале, возле форума Константина. Знатные матроны отправляют служанок за хлебом силигнитис из лучших сортов пшеничной муки. Остальные горожане берут сеидалитис из муки поглубже, черный кибарон и ячменный крифон, а солдаты и монахи просят жесткий, дважды испеченный и потому не плесневеющий в походах и паломничествах пексамас. У прилавков радостная толчея, аромат свежей сдобы, звон мелких монет. В сутолоке кучерявый зеленоглазый парень подкатывает к пышной жене булочника,

¹ Префект города.

² Свод уставов константинопольских ремесленных и торговых корпораций.

тянет руку к округлой спине. Толстуха быстро шлепает его по пальцам, – как надоедливого комара прихлопывает, – поправляет чепец с узорчатым шитьем и продолжает отпускать хлеба.

Пропахшие воском свечные лавки в Свечном квартале и мастерские по бронзе принадлежат Святой Софии и часть выручки идет на похороны неимущих. Здесь тихо и благостно.

Бродят по улицам зачарованные столичным великолепием высоченные варяги, доставившие на кораблях сушеную рыбу и меха. По-свойски прогуливаются торговцы из Багдада, Персии, Египта и Испании. Прокормить четыреста тысяч жителей Константинополя непросто, власти боятся голодных бунтов и пекутся о снабжении столицы: тянутся обозы с провизией из разных стран и имперских провинций. Из Киликии и Фракии везут пшеницу, из Эвбеи амфоры с вином, из Аттики бочонки с медом, из долины Меандра и Лакедеона любимые византийцами оливки и оливковое масло, из Эпира и Паристриона гонят рогатый скот. Глядя на изобилие, иноземцы цедят сквозь зубы с завистью:

– Каждый здешний горожанин стоит подле своего виноградника, под своим фиговым деревом.

Подданные империи разномастны: больше всего греков, есть армяне, сирийцы, грузины и славяне. Все гордо называют себя ромеями или римлянами, хотя говорят на греческом, латынь забыта сотни лет назад. Особняком держатся германцы и франки, закрыто в своем квартале обитают венецианские купцы. Отдельным мирком живут на окраине Пера, возле кожевников, евреи. Рабаиты трудятся врачами или торгуют, караимы занимаются шелководством. Никого не задевают, ведут себя скромно, но кожевники со злостью выплескивают перед их порогами зловонную воду из-под шкур, горожане не здороваются, а священники вразумляют:

– Заблудшие сыны Израиля, не упорствуйте в заблуждении, обращайтесь в христианскую веру!

Солнце в зените, жители укрываются от палящих лучей по домам, из открытых окон доносится запах любимой ромеями ухи. Только паломники-русичи остаются на улицах, спеша осмотреть все святыни. От собора Святой Софии – Премудрости Божией идут в древний храм Святой Ирины, глядят на женский монастырь Панагии Одигитрии с чудотворной иконой Богородицы и исцеляющим незрячих источником, на монастырь и храм братьев-врачей Космы и Дамиана с бесплатным госпиталем – ксендохием, на новую церковь Святой Феклы, храм Святых Апостолов с мощами Иоанна Златоуста, апостолов Луки, Андрея и Тимофея. Обойдя храмы, почтительно останавливаются перед дворцом патриарха. Слышали, что его слова сама правда и даже всемогущий василевс редко противится патриаршей воле.

...Рядом, на берегу Пропонтиды, за высокими стенами, в саду с павлинами и газелями стоит Большой, или, как еще говорят ромеи, Священный дворец. Это настоящий город в городе с часовнями, фонтанами и галереями. Мраморные постройки семьи василевса и приближенных среди раскидистых деревьев украшены статуями, крыши позолочены, колонны выточены из яшмы, стены покоев расписаны, полы выложены искусными мозаиками: орел раздирает змею, собаки со злым оскалом облаивают зайца, дети играют с ягнятами.

В последние годы императорская семья много времени проводит в другом столичном дворце – Влахернском, но все важные государственные события по-прежнему происходят здесь, в Тронном зале, называемом Золотой палатой. Под золотистым мозаичным образом Спасителя установлен золотой трон, на ступеньках перед ним сидят два рыкающих золотых льва, а подле возвышается золотое дерево с выводящими трели золотыми птицами на ветках. Тут, в окружении рассаженных в соответствии с рангом чинов, василевс принимает чужеземных послов. Когда очередной посетитель заходит в зал, звучит органная музыка, и трон на мгновение взмывает под потолок. Увидевший такое впервые застывает от неожиданности, а потом, следуя этикету, трижды низко кланяется и подает протонотарию ³верительную грамоту

³ Глава канцелярии.

и дары. Протонотарий подносит их логофету⁴, который и ведет разговор с послом, богоизбранный правитель до разговоров с простыми смертными не опускается, лишь смотрит строго, чуть прищурив агатовые глаза. По окончании аудиенции гость вновь низко кланяется безмолвному василевсу и идет к двери под звуки органа, рыканье львов и щебет притихших на время беседы птиц.

...Недавно скончался основатель династии Комнинов василевс Алексей. Хороший воин, он отобрал у Великой сельджукской империи⁵ часть потерянных предшественниками земель и подчинил строптивых крестоносцев. Хоть и щерились франки, но сюзеренитет Византии признали.

В военных походах у василевса начался ревматизм, зимой он простыл на ипподроме, и боли стали невыносимы. На консилиуме молодой врач Николай Калликл горячился: «Ежели мы не очистим организм василевса сильным слабительным, то провоцирующее ревматизм вещество останется, войдет в сердце и причинит смертельный вред!»

Светило Михаил Пантехн шестидесяти лет слушал вполуха, ответил высокомерно, что организм василевса в очищении не нуждается.

Алексей стал задыхаться, жаловался жене на боль и тяжесть в груди. Пантехн важно объяснил стеснение тяжкими заботами государя, сделал кровопускание, дал лекарство из перца, и через несколько дней василевс испустил дух. Рыдающая василисса обрезала под корень волосы, сорвала пурпурные сандалии, облачилась в траурное платье, и Манганский дворец, куда императора перевезли незадолго до смерти, огласился плачем приближенных.

В предшествовавшие уходу Комнина дни в его семье разыгралась драма. Василисса желала возвести на престол свою любимицу, старшую дочь Анну и ее мужа Никифора Вриенния. Сына Иоанна отчего-то не терпела и убеждала мужа, что наследник безрассуден и будет дурным василевсом. Алексей тяжело молчал, а перед смертью передал ему перстень с императорской печатью – символ верховной власти.

Иоанн поспешил с младшим братом Исааком в Святую Софию, где патриарх его короновал. Потом братья с преданными людьми поскакали к пустовавшему Священному дворцу. Стоявшие за Вриенния здоровенные дворцовые стражники загородили вход круглыми щитами. Иоанн показал им руку с перстнем. Стражники сердито пробасили: «Перстень украден! Где другие доказательства императорской воли?!» Добродушный Исаак, знаток литературы и покровитель столичных поэтов, оскорбился за старшего брата, впал в несвойственную ему ярость и сломал ворота. Стражники разбежались, Иоанн занял царские покои, на похороны отца не пошел, опасаясь покушения. Город притих в ожидании переворота, но его не случилось, и новый василевс стал править...

...Есть в Священном дворце здание с выходящими на море высокими окнами и стенами из багряного камня порфира, где появляются на свет императорские наследники, оттого их и называют порфирородными.

В ноябре здесь родится новый порфирородный – судя по животу огурцом жена Иоанна ждет четвертого сына. Будут перешептываться в приемных покоях важные сановники, хлопотать повитухи и врачи, носить серебряные чаши с водой невозмутимые кубикюлярии⁶. Раздастся тоненький писк новорожденного, умытого смуглого младенца покажут матери и отдадут кормилицам. Окрестят ребенка Мануилом. А сегодняшним августовским утром в одном из красивых мраморных домов в саду Священного дворца родился сын у младшего брата василевса Исаака и его жены Ирины, дочери князя перемышльского Володаря Ростиславовича из

⁴ Высший чиновник в Византии.

⁵ Государство, образовавшееся в ходе завоевания огузами-туркменами во главе с династией Сельджукидов стран Ближнего и Среднего Востока (1037–1194).

⁶ Дворцовые слуги-евнухи.

рода Рюриковичей. Важные сановники и вельможи решили поздравить Комнина по вечерней прохладе. Столичные поэты, согласно византийской традиции сочинившие стихи к радостному событию, пришли сразу. Каждый хотел первым преподнести другу и покровителю стихотворное поздравление. Сияющий Исаак поэмы похвалил, всех щедро одарил и объявил, что назвал сына Андроником в честь епископа Панноникийского, одного из семидесяти апостолов и родственника первоверховного апостола Павла. Поэты сочли выбор Исаака правильным – имя обозначало «победитель мужей» и очень подходило крупному, пошедшему статью в отца, младенцу.

...По вечерам мама пела Андронику русские колыбельные, днем старые няни с васильковыми глазами рассказывали сказки. Он любил играть с ними в прятки. Затаивался в тяжелых парчовых портьерах, с замирающим сердцем слушал, как его искали, потом выскакивал с радостным криком: «Вот же я! Не нашли, глупенькие бабулечки». «Ты где прятался?» – всплескивали руками старушки. «Не скажу!» – заливался тоненьким смехом мальчик, скача вокруг них. С мамой и нянями он говорил по-русски, а с отцом и старшим братом, названным в честь василевса Иоанном, по-гречески. Тот был старше на шесть лет и давно покинул гинекею – с семи лет мальчиков в Византии воспитывали наставники. Иоанну преподавал грамматику, философию, историю и арифметику ученый старик Ерофей. Худой, седовласый, с кустистыми белыми бровями, он говорил на нескольких языках и хорошо знал богословие.

Андроник редко видел старшего брата, зато каждый день встречался с одногодкой Мануилом, младшим сыном василевса. Двоюродные братья бегали наперегонки в дворцовом саду, играли в обручи, бабки, гальку и ловили бабочек. После прогулок няни усаживали их в зале за резной стол, толстый повар приносил крендели и блины на стеклянном блюде, с важным видом поливал лакомства медом и разрезал вилочками из слоновой кости. Мальчики ели, болтали недостающими до пола ногами и, перебивая друг друга, рассказывали истории. Мануил лопотал про терпиков и бабак⁷, о которых слышал от венгерских нянь, – его мама была венгерской принцессой, – Андроник про Змея Горыныча, Бабу Ягу и русалок. Раз зашел величественный, в синей шелковой тунике и вышитой жемчужными нитями пурпурной мантии Иоанн. Не замечая простершихся на полу слуг, с ласковой улыбкой ущипнул сына и племянника двумя пальцами за щеки, назвал неразлучниками и удалился по имперским делам, оставив за собой аромат горьких благовоний.

Недавно он пожаловал Исааку важный титул севастократора, почетного правителя. Его учредил для своего брата василевс Алексей, в благодарность за поддержку. Иоанн тоже благодарен Исааку. Но первый Комнин верил брату безоговорочно, а Иоанн пару лет назад заподозрил Исаака в подготовке заговора и отдалился. Потом вспомнил, как самоотверженно тот защищал его право на трон, и сменил гнев на милость. Надолго ли затишье? Искушение властью тяжело, родственные узы трещат по швам из-за нашептываний завистников, отличить правду от наговоров сложно. Лживые слухи быстро обрастают достоверными подробностями и тревожат василевса. Хотела ведь старшая сестра Анна после коронации организовать его убийство и взять в руки ускользнувшую власть. Все было готово, наемные убийцы ждали приказа, и только забывчивость Вриенния, – забывчивость, или минутная слабость? Как можно забыть о дате покушения? – помешала свершиться злодейству. Почему бы и Исааку не желать власти? Придворным известны опасения василевса, но, пока севастократор не в опале, выражают ему почтение. А если снова повеет холодом между братьями, то быстро отойдут в сторону – при византийском дворе искусством интриги все владеют в совершенстве...

Ночью Андроника разбудил шум: отец кричал что-то про дворцовых гадюк, мама его успокаивала. Раздался голос старшего брата, удаляющийся топот конских копыт, а через несколько минут пол задрожал от тяжелых шагов. Испуганные няни прикладывали указатель-

⁷ Карлики и колдуньи в венгерской мифологии.

ный палец к губам, прося Андроника молчать. Издалека доносился незнакомый требовательный голос. Потом наступила тишина, неслышно зашла мама, присела на край кровати, долго гладила его по голове, расправляя темно-русые кудряшки, шептала: «Все хорошо. Спи, радость моя. Спи, солнышко», и руки ее дрожали. В следующие дни из дома выносили вещи, хлопали двери, маму Андроник почти не видел, Ерофей складывал в деревянные коробки книги отца. Андроник скучал по Мануилу, просил нянь отвести к нему, но те говорили «нельзя» и развлекали песенками и играми, а он дулся. Через две недели слуги загрузили поклажу в крытую плотной тканью повозку. Заплаканные старушки на пороге торопливо осеняли Андроника крестными знамениями. Ирина вручила им ларчик с монетами, обняла и села в повозку к сыну и Ерофеею. На вопрос Андроника, куда они едут, ответила, что в красивые края. Он долго смотрел в прорезанное в ткани окошечко, но ничего красивого не видел, вокруг была иссушенная солнцем равнина с кривыми оливковыми деревьями. Стрекотали кузнечики, горячий ветер обжигал лицо, повозку потряхивало на неровной дороге, Ерофей бормотал молитвы. Прикрыв глаза, Андроник представил, что гуляет с Мануилом в тенистом дворцовом саду, а потом опустил голову маме на колени и уснул.

Глава 2

Масуд

Соседствовавший с Византией Конийский султанат ⁸с завидной легкостью превращался из врага империи в ее друга. Нападал на приграничные поселения, а потом в надежде на богатое вознаграждение охотно становился союзником в схватках с третьими силами. Византийские военачальники ценили сельджукских воинов. Выносливые, неприхотливые, в походах они ели приправленную уксусом похлебку из хлеба, огурцов и чеснока, не жаловались на холод и жару, в три раза быстрее греков и франков стреляли из луков и часто приносили Ромеев победу.

Султан Масуд бывал в Константинополе, раз долго укрывался у Иоанна из-за чуть не лишившей его власти распри с братом, тогда и сдружился с севастократором. Исаак писал стихи и философские трактаты, султан любил поэзию и был поклонником одно время жившего в султанате Омара Хайяма. Они декламировали друг другу рубаи гения и обсуждали с константинопольскими поэтами новые книги.

Обрадовавшись Исааку, Масуд принял его по самым изысканным законам восточного гостеприимства.

– Здравствуй, дорогой друг. Какое счастье видеть тебя! Поистине, сегодня у меня великая радость. Пусть мой дом станет твоим.

– Мир твоему дому, благосостояния и благословения от Всевышнего, – отвечал знающий мусульманские обычаи Исаак.

Витиеватый ритуал продолжался, гостя следовало расспросить обо всех родственниках мужского пола, но ни в коем случае не упоминать жену. Лишь дикие франки вольно болтают о своих женщинах, для правоверного задать другу вопрос о жене – оскорбить его.

– Как здоровье василевса? Да продлит его жизнь Всевышний. Как ты? Твои сыновья? Вижу, что старший вырос. Помню его мальчиком, а теперь с тебя ростом!

Исаак рассказал, что бежал из-за обвинения в заговоре. Султан не удивился.

– Слухи доходили до меня... Не отчаивайся и вспомни Хайяма: «Кто жизнью бит, тот большего добьется. Пуд соли съевший выше ценит мед. Кто слезы лил, тот искренней смеется. Кто умирал, тот знает, что живет!» Оставайся в Иконии ⁹и вызывай младшего сына и жену.

– Благодарю тебя за доброту.

– На моем месте ты поступил бы так же, друг.

Исаак не готовил заговор, но чувствовал себя виноватым. В юности братья вместе ходили в военные походы, и рослый смелый Исаак, хоть и предпочитал войне литературу, дрался хорошо. Став василевсом, Иоанн чаще отправлялся воевать один, поручая младшему брату ведение неотложных дел в столице. Именно тогда, – пусть в мыслях, какая разница, коли недобрый помысел принят, значит, душа осквернена грехом, – Исаак грешил. Возвращая земли и умирняя бунтовавших вассалов, Иоанн не вникал в текущие дела. Тем временем сборщики налогов и чиновники нещадно жульничали. Верховная власть их не назначала, а продавала им должности и, чтобы окупить вложенное, они крали. Исаак предлагал брату отменить вредный обычай, но тот неизменно отвечал отказом, и воровство разъедало империю, как ржа. Исаак, даже став вторым человеком в империи, без одобрения василевса не имел права принять ни одного важного решения. Пару раз посетовал на чиновничье ворье при дворе, заметив недоброжелательные взгляды, закрылся. Оттого у севастократора и появилась крамольная мысль: случись Иоанну не вернуться из очередного похода, власть на время регентства, пока

⁸ Средневековое тюркско-мусульманское государство, возникшее на отторгнутых у Византии землях (1077–1307).

⁹ Иконий (совр. Конья) – столица Конийского султаната.

подрастет старший племянник, окажется в его руках, и он сможет ввести разумные законы. Причинить старшему брату вред у него в мыслях не было. Когда Иоанн был ранен стрелой в ногу в страшном бою с печенегами (те забаррикадировали ромеев телегами, армия оказалась в двух шагах от поражения, но ее выручили варяги, разломавшие телеги), спешно отправил к нему из столицы признанного теперь светочем Николая Киллика. Иоанн выздоровел, и Исаак искренне этому радовался, но иногда кто-то невидимый нашептывал на ухо: «Война есть война, любой может на ней погибнуть, и ты еще станешь василевсом. Хорошим, лучшим из всех». Исаак каялся духовнику во властолюбии, получал отпущение грехов, а вскоре мысль с бесовской назойливостью возвращалась. Он мучился втайне, не рассказывая даже жене. Обвинение в заговоре дворцовыми интриганами избавило от изматывающего душу чувства вины, и он радовался случившемуся, как нашкодивший ребенок радуется заслуженному наказанию.

...Ирина поладила со смешливой женой Масуда, вместе с ней рукодельничала, читала и гуляла по красивому внутреннему саду дворца. Иоанн и Андроник после занятий с Ерофеем встречались с сыновьями султана, говорившими на греческом не хуже, чем на персидском и огузском. Из пятерых мальчиков самым слабеньким был Кылыч-Арслан – хромой, подслеповатый, на него Масуд смотрел с жалостливой нежностью. Еще у султана подрастали две красивые дочери, которых, редкость для того времени, он приказал обучать литературе и наукам.

Любимым развлечением при конийском дворе была соколиная охота. Слуги на месте потрошили тушки зайцев, куропадок, рябчиков и набивали их солью, перьями или хвоей, чтобы не портились. Масуд ценил трех византийских охотничьих собак, которые не ели птиц, а только обгладывали брошенные им птичьи головы. Одного пса слуги приучили держать на голове светильник и играли по ночам в шахматы, пока он неподвижно сидел рядом с лампой на покато́й голове, моргая слезящимися от света глазами. «Вы мне губите собаку, она ослепнет!» – сердился Масуд, когда заставлял их. Сельджуки торопливо снимали светильник, пес по-человечески тяжело вздыхал и укладывался спать, но на следующий вечер все повторялось. «Собака животное нечистое, нечего ее жалеть». Андроник подкармливал слепнущего пса остатками обеда, и тот радостно встречал его, виляя хвостом.

Часто охотились на газелей. Сокол сидел на кожаной перчатке гушчи¹⁰, когда тот снимал с его головы колпачок, стремительно взмывал в небо, увидев газель, пикировал, вцеплялся в ухо и наносил быстрые частые удары. Ее окружали заходящиеся в лае собаки, сперва она металась, потом, будто осознав неизбежность смерти, затихала. Осенью газели приносили большеглазых детенышей. Первые дни они лежали в траве, вставая только чтобы пососать мать и сделать несколько шагов на слабых тоненьких ножках. Стрел на них охотники не тратили, шутили, что собирают, как хворост, и убивали, ударяя головой о камни. Эту охоту Исаак не любил и находил отговорки, чтобы остаться дома. Самозабвенно грабя пограничные города, Масуд привозил в разрастающуюся столицу богатую добычу. Высокие стены Икония и преданное войско дарили ему ощущение безнаказанности, вряд ли бы василевс пошел на долгую осаду неприступного города. На гневные грамоты порфирородного султан отвечал лстивыми витиеватыми письмами, заверяя в преданности и прося прощения за «недоразумение», дескать, в случившемся его вины нет, произвол творят отряды вольных туркмен, не признающих власти султаната.

Подросший Иоанн хотел участвовать в походах, Исаак ему запрещал.

– Почему? Ты же сам говорил, что каждый Комнин обязан хорошо воевать.

– Но не против ромеев. Глупо погибнуть от своих. И старшие сыновья василевса уже выезжают вместе с ним. А если ты ранишь или убьешь двоюродных братьев? Я не возьму на себя такой грех.

Однажды Исаак заметил, как восторженно сын слушал Масуда, обращавшегося к войску перед очередным походом.

¹⁰ Сокольников.

– Меч – это ключ от рая и ада, говорил пророк Магомет! – гремел голос султана. – Капля крови, пролитая во имя Всевышнего, ночь, проведенная на войне, ценнее, чем два месяца поста и молитвы. Кто погибнет в битве, тому будут прощены грехи в судный день. Раны его будут сверкать, как киноварь, и благоухать, как мускус, а потерянную руку или ногу ему заменят крылья ангелов и херувимов! Вы готовы идти в бой и погибнуть за Всевышнего?! – Длиннобородые, с хищным прищуром воины откликнулись яростным многоголосым «Аллах акбар!». Иоанн молчал, но щеки у него горели, глаза по-рысьи шурились, и он почти не отличался от вытянувшихся перед султаном сельджуков. Чтобы Андроник не брал пример со старшего брата, Исаак занимал его беседами об искусстве.

– Музыка и слово сильнее меча. Сирены дивными голосами завлекали моряков, Амфион игрой на лире подчинил камни, и они сами сложились в стены, Орфей успокоил игрой на лире бушующее море и покориł неумолимых хозяев царства мертвых Аида и Персефону.

– Это же легенды, – недоверчиво улыбался Андроник.

– Легенды преувеличивают, но никогда не лгут и основаны на реальных событиях. А невероятная история Фалета подтверждена древними авторами.

– Кто это?

– Живший в Спарте две тысячи лет назад критский поэт и музыкант. Его стихотворения устанавливали порядок и прекращали раздор, все чтили Фалета за талант, ум и государственную мудрость. Ни одному законодателю не удалось добиться подобного. Слушавшие его сочинения смягчали нравы, вражда утихала, жестокосердные становились добрее и милосерднее. Музыкой и песнями Фалет излечивал физические недуги, безумие и умирал смуты.

– А в Риме таких поэтов не было?

– Почему же? Прекрасные труды оставили Иоанн Златоуст, Роман Сладкопевец, Симеон Новый Богослов, Фотий, Михаил Пселл. Мама привезла их сочинения, почитай и Расскажи, что думаешь.

Исаак с юности был поклонником Платона и Марка Аврелия, перечитывал его сборник «Наедине с собой», платоновское «Государство» знал наизусть, хотя в Константинополе эти труды не жаловали. Идея, что государства избавятся от зол, если в них начнут царствовать философы, шла вразрез с официальной доктриной власти и считалась эллинской блажью. «Василевсу не философом следует быть, а воином и выразителем воли Бога, от него он получил власть, за ним сразу следует». Но Исаак продолжал исповедовать идеи Платона и подарил младшему сыну на двенадцатилетие его книги.

От Ерофея Андроник узнал о христианском прошлом Икония. Здесь молоденькая Фекла услышала проповедь апостола Павла и расторгла помолвку со знатным язычником. За это мать и жених убедили правителя города сжечь ее, но дождь затушил костер. Она последовала за апостолом в Антиохию, где наместник спустил на нее диких зверей, но они не тронули святую, и она до старости жила отшельницей в пещере, излечивая больных. В Икониуме, как раньше назывался Иконий, родилась и великомученица Параскева, принявшая обет девства и учившая язычников вере. При императоре Диоклетиане Параскеву повесили на дереве, рвали тело железными крюками и обезглавили. От мощей тайно похороненной святой подавались исцеления болящим. Много Ерофей рассказывал об апостоле Павле. Как этот невысокий худощавый иудей, тогда еще звавшийся Савлом и готовившийся стать раввином, преследовал первых христиан, как ненавидел новое учение и с мстительной радостью смотрел на смерть христианских мучеников. А ослепнув и чудесным образом исцелившись, принял новую веру, крестился в Дамаске и стал проповедником. Обошел Кипр, Афины, Иерусалим, Эфес, Коринф, сидел в заточении, вынес избиения и пытки, плел палатки, чтобы прокормиться, именем Спасителя излечивал безнадежно больных и писал послания. Андроник изучил их все, особенно ему нравилась 13-я глава из Первого послания коринфянам: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не

раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит». Андронику казалось, что эти строки написаны о маме. Ирина терпеливо переносила странствия, никогда не жаловалась, огорчаясь только нездоровью мужа и сыновей. Последовала за Исааком из Икония к эмиру Гази в государство Данышмендидов, затем в Киликийскую Армению, где радовалась дружбе Иоанна и Андроника с сыновьями тамошнего правителя Левона I. Наконец ее мальчики жили пусть и на враждебной Ромее, но христианской земле и ходили на церковные службы с ровесниками христианами. А когда Левон отдал за Иоанна свою дочь, сказала мужу, что счастливее ее нет на свете. Глупая ссора между Исааком и Левоном положила конец дружеству отцов и недолгому браку детей – вспыльчивый армянин не отпустил дочь с решившими вернуться к Масуду Комнинами. Несмотря на хороший прием у султана, Исаак печалился, чувствуя вину перед старшим сыном. Тогда Ирина и предложила совершить паломничество в Иерусалим.

Найдя жилье и занеся пожитки, Комнины отправились по улице Долороза к храму Гроба Господня. Исаак с Ириной шли в густой толпе франков, греков, грузин, сирийских христиан и армян первыми, за ними ковылял Ерофей. Чуть задыхаясь от волнения и быстрой ходьбы, объяснял Иоанну и Андронику:

– Посмотрите на эти истертые временем огромные плиты. По ним ступала нога Спасителя! А храм, который вы сейчас увидите, заложили император Константин Великий и его родительница Елена. В те времена он был огромным, со сводом небесно-голубого цвета. Захвативший Иерусалим арабский халиф Умар ¹¹храм не тронул, но позже безумие овладело фатимидским халифом Аль-Хакимом Биамриллахом – он приказал разрушить его ¹²и перебить иерусалимских христиан. Глядя на уничтожение святыни, халиф радостно улыбался. С улыбкой отправлялся в атаки на бесчисленных войнах, а потом уходил молиться в горы. Там и исчез, в скалах нашли только его окровавленную одежду. Но жизнь христиан легче не стала: мусульмане врывались в церкви, переворачивали чаши, раскидывали свечи, ломали кадила, таскали за бороды патриархов, не подпускали к святыням паломников без дани, многих богомольцев по пути в Святую землю обирали.

Храм оказался закрыт лесами, крестоносцы его перестраивали. Исаак благоговейно зашел в Кувуклию, припал к Пресвятому Гробу и долго молился. Тем же вечером решил, что в Конийский султанат не вернется – не отпустил его Иерусалим со святынями, большой библиотекой и тысячами паломников, прибывавших из шумного порта Яффы. Следующим утром Комнины помолились на горе Сион в церкви Богородицы, облачились в одежды для особых случаев и отправились в резиденцию королевы Мелисенды в храме Соломона, бывшей мечети Аль-Акса. Дочь короля Иерусалима Балдуина ¹³и армянской принцессы Морфии Мелисенда выросла в любви. Балдуин обожал жену, когда советники заикнулись о разводе, потому что королева не родила наследника, вознегодовал: «Ни за что я не расстанусь с моей верной Морфией! Она подарила мне четырех разумных дочерей, и Мелисенда по праву старшинства будет править лучше любого мужчины». Балдуин объявил Мелисенду соправительницей, выдал замуж за Фулька Молодого, графа Анжуйского, новорожденный внук стал наследником, а Мелисенда – единственным опекуном. Властолюбивый муж смотрел на маленького сына равнодушно и, не ограничъ Балдуин перед смертью права зятя, сделал бы наследником сына от первого брака. Фулька не удалось взять власть, – королеву поддерживал двор и тамплиеры, – но каждый день приносил ей новые горести. Недавно французский спесивец обвинил Мелисенду в неверности и перестал разговаривать. Несмотря на беды, константинопольских

¹¹ Халиф Умар ибн аль Хаттаб (585–644) захватил Иерусалим в 637 году.

¹² Храм Гроба Господня был разрушен 18 октября 1009 года.

¹³ Бодуэн де Бур (ок. 1075–1131), король Иерусалима с 1118 года.

визитеров она приняла сердечно – помнила, что родительница щедро жертвовала на православные монастыри, а перед смертью завещала им свое имущество.

– Путешествие прошло благополучно?

– Благодарю, ваше величество, дороги королевства безопасны, – поклонился Исаак.

– Это заслуга тамплиеров. Раньше грабители постоянно нападали на паломников. Самый страшный участок дороги находился между Хайфой и Кесарией, дня не проходило без новых жертв. Тогда девять благочестивых рыцарей и посвятили себя служению Христу: сопровождали путешественников, обороняли дороги, жили подобно монахам в смирении и целомудрии. Исполнившись сострадания к этим благородным людям, мой покойный отец предоставил им для жилья южное крыло храма Соломона, и они назвали себя братьями-рыцарями храма. За последнее десятилетие орден разросся, и теперь у нас тысячи защитников.

– Благое дело влечет чистые сердца. Храмовники воплотили в себе абсолютное рыцарство. Защищать слабых, соблюдать воздержание и умеренность, каждый день ходить на службу, смирять гордыню и проливать свою кровь во славу Церкви – что может быть благороднее? Как хорош их девиз: «Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam»¹⁴.

– Рада, что вы по достоинству оцениваете тамплиеров. Хотите с ними познакомиться?

– Это честь, ваше величество. Если только они нас допустят.

– Их правила строги, но попрошу Великого магистра принять вас с сыновьями. Им будет интересно посмотреть на жизнь наших защитников.

...Седовласый Великий магистр Гуго де Пейн показал Комнинам вмещавшую тысячи лошадей и верблюдов подземную конюшню, украшенную военными трофеями гигантскую трапезную, заполненные оружием и обмундированием склады. Повсюду работали одетые в черное братья-труженики – кузнецы, пекари, повара и шорники. Зайдя с гостями в недавно построенную церковь Богоматери, де Пейн указал на идущий от нее длинный коридор с десятками дверей.

– Тут кельи рыцарей. У каждого в собственности только стул, сундучок, кровать, набитый соломой тюфяк и покрывало. Летом они просыпаются в два часа и молятся на утренней службе, зимой – в четыре. В походах и при охране паломников заменяют заутреню 13-кратным, обедню 7-кратным, а вечерню 9-кратным чтением «Отче наш».

– Сложно сочетать обязанности монаха и рыцаря, – заметил Исаак.

– Да, и непросто было создать правило ордена. Нашего благочестивого короля смущало, что служащие церкви рыцари проливают кровь. Ведь дело монаха «молиться и трудиться» – «ora et labora». Но как без меча охранять дело христиан в окружении сарацин? Святая земля принадлежит Иисусу Христу, и невозможно оставлять ее в руках язычников. Война здесь должна вестись не ради новых владений, а для защиты святых мест колыбели христианства. Кто примет на себя сию задачу, если не монахи – рыцари, видящие в этом смысл земного существования? Моим помощником в подготовке устава ордена стал аббат Бернар Клервоский, племянник нашего прекрасного брата Андре де Монбара и давний друг нашего дважды прекрасного брата Гуго Шампанского, отказавшегося от титула графа, дабы войти в орден. По уставу все тамплиеры, будь то рыцарь, оруженосец, священник или брат-труженик, обязаны соблюдать скромность: оружие и сбруя без всяких украшений, никаких излишеств в облачении. Не допускается носить и эти новомодные башмаки с загнутым кверху носком, напоминающим птичий клюв, а из меха разрешено использовать только овчину.

– Мудрое решение, – кивнул Исаак, – красивая одежда – источник гордыни.

– Именно. Мы также отказались от игры в кости, шахматы и не усаждаем себя нелепой жестокостью соколиной охоты. Грубые слова у нас строго запрещены, ибо вежливость есть знак христианской любви. А в знак смирения братья принимают пищу по двое из одной миски.

¹⁴ Не нам, Господи, не нам, но все во славу имени твоего (лат.).

– Не смею осуждать рыцарей – мирян, но ваши братья разительно от них отличаются в лучшую сторону. Надеюсь, мои слова о соплеменниках не рассердили вас, досточтимый магистр? – Правда может рассердить лишь глупца. Как раз недавно Бернар Клервосский прислал мне свой труд «Похвала новому рыцарству», в котором сурово высказался о рыцарях-мирянах. Он хранится в нашей библиотеке. Зачитаю вам любопытный отрывок. – Великий магистр молниеносно нашел книгу среди рядов тяжелых томов, – явно часто ее перечитывал, – раскрыл на нужной странице: «Вы покрываете коней своих шелками и украшаете доспехи свои, разукрашиваете щиты свои и седла, оправляете упряжь и шпоры золотом, серебром и дорогими камнями, а после во всем этом блеске мчитесь навстречу своей гибели. Это убранство воина или же женские побрякушки? Неужто вы думаете, что мечи врагов отвратятся вашим золотом, пощадят камни ваши или не смогут пронзить шелка? Воин должен быть свободен в своих движениях и быстро вынимать меч из ножен. Для чего же слепите себе глаза женскими локонами и опутываете долгополыми складчатыми туниками, хороня свои нежные руки в неуклюжих широких рукавах? А что причина войн и корень споров меж вами, как не безрассудные вспышки гнева, жажда пустой славы, или страстное желание ухватить мирские владения? Рыцари же Христовы могут без опасности сражаться, не страшась греха, ибо убивать или умирать за Христа не есть грех, а напротив, могучее притязание на славу. В первом случае обретаешь нечто для Христа, во втором – обретаешь самого Христа».

Удар колокола возвестил о начале обеда. Бережно поставив книгу на место, де Пейн пригласил Исаака с сыновьями разделить скромную трапезу – три дня в неделю тамплиеры постились и этот день был постным. Широкоплечие рыцари сидели за грубо сколоченными столами, ели лепешки, печеные овощи и козий сыр, а один из братьев читал вслух Евангелие.

Иоанн и Андроник смотрели на этих безмолвных монахов с коротко остриженными волосами, взъерошенными бородами и темными от загара лицами с почтительным интересом. Знали от отца, что храмовники, кроткие здесь, на поле брани становились свирепы, как львы, и приводили мусульман в ужас. Они никогда не спрашивали о том, сколько противников их ждет, но лишь где они находятся, а затем ураганом врывались в гущу врагов на стремительных конях, с черно-белыми знаменами, в просторных белых плащах, с сияющими от священного гнева глазами, с остро наточенными мечами, и обращали в бегство целые армии. После обеда рыцари посидели в тишине, благодаря Бога за пищу, а затем собрали остатки хлеба для нищих.

Выйдя от храмовников, Иоанн сказал, что, будь он франком, вступил бы в орден, а пятнадцатилетний Андроник его поддержал. С нежностью глядя на взъерошенные затылки жаждавших подвигов сыновей, – не доверявшая брадобреям Ирина тщила аккуратнo стричь их сама, но непокорные вихры топорщились во все стороны, – Исаак думал, что надо обязательно занять парней чем-то полезным.

Праздности Исаак не терпел, называл причиной всех грехов, а достойной целью жизни считал преследование общего блага. Узнав от знакомого настоятеля, что монастырский водопровод пострадал от последнего землетрясения, решил провести воду от источника. Нанял двоих работников, сам ловко управлялся с лопатой, копая под палящим солнцем сухую землю, а чтобы взбодрить работавших рядом сыновей, цитировал Марка Аврелия:

– Если ты будешь старательно, ревностно и любовно относиться к своему делу, довольствуясь геройским правдолюбием во всем, что говоришь и высказываешь, – ты будешь жить хорошо, и ничто тебе не помешает!

К вечеру у троих ломило спины, пылали лбы и шелушились покрасневшие носы. Ирина обкладывала обгоревшие лица мужа и сыновей тонкими ломтиками сырого картофеля, – по ее мнению, лучшим средством от ожогов, – и каждые полчаса их меняла. Иоанн вздыхал:

– Довольствуясь геройским правдолюбием, скажу, что не могу разогнуться от боли в спине и натер мозоли. И это, несомненно, мешает мне хорошо жить в ближайшие дни.

Исаак присаживался на кровать к сыну, растирая ему поясницу, вразумлял:

– Если бы счастье заключалось в телесных удовольствиях, то счастливыми мы бы назвали быков, когда они находят горох для еды... Помнишь, Цирцея на своем острове напоила друзей Одиссея волшебным зельем, от которого они забыли отчизну, превратила в свиней и удивилась, что Одиссей просит вернуть им человеческое обличье. Ведь она оставила им в загончике лучшие лакомства: вдоволь желудей, диких буковых орехов и кизила, чего же еще желать? Но человеку для счастья нужно преодоление трудностей. И хорошо, если он берется за то, что не по силам – сам духовно укрепитесь и других воодушевит своими усилиями.

Исааку тяжелая работа помогала отогнать тревожные мысли: втайне от семьи он отправил письмо брату, но прошли месяцы, а тот молчал.

Однажды возле них остановился светловолосый паломник с выгоревшими на солнце бровями. Поклонился в пояс, не особо надеясь на ответ, сказал:

– Бог в помощь.

– Во славу Божию! – отозвался Исаак, усвоивший русский с Ириной, – из каких краев?

– Недостойный паломник Рафаил из князства Черниговского, – откликнулся тот радостно, услышав родную речь.

– И давно здесь?

– Год скоро.

– Что повидал?

– Царьград с церквями и святынями. Город Эфес, где гроб Иоанна Богослова. Город Бейрут, где евреи пронзили копьем икону Христа, а из нее пролилась кровь и вода, и тогда многие люди крестились. Ясли младенца Христа под скалой в Вифлееме, пещеру в горе Гаваонской, где Спаситель сорок дней постился, купель Силоамскую, где он слепого излечил, гору Елеонскую, где вознесся, и церковь Воскресения в Иерусалиме. В лавре святого Саввы записал в поминальную книгу имена князей русских, каких помнил, а о других всех князьях и боярах молился у Гроба Господня. Заказал пятьдесят литургий за здравствующих русских князей и всех христиан и сорок литургий отпели за умерших. Лицезрел, худший из людей, как в Великую Субботу свет сходит с неба к гробу Иисуса Христа и зажигает лампы. Свет святой не такой, как земной огонь, светится иначе, пламя его красное, как киноварь, несказанно светится. Ключарь храма Воскресения разрешил мне поставить в ногах Гроба Господня кадило от всей земли русской, и оно сразу горело изрядно вместе с греческим кадилом, а кадило католиков потом зажглось.

– Смирение – лучшее украшение христианина, но не слишком ли строго себя судишь, называя худшим? – спросил знавший русский язык Ерофей. Он отдыхал в тени и подошел, заинтересовавшись рассказом.

– Худший, недостойный и одержимый многими грехами есмь. Отправился в путешествие, понуждаемый помыслами и нетерпением, ничего доброго не сделал, угощали меня в монастырях вином, я и пил.

– У франков вино вместо воды все пьют, – махнул рукой Ерофей.

– Что для франка хорошо, старче, то для русича губительно и греховно, – сокрушенно вздохнул Рафаил. – Я потом неподобно ходил по святым местам, по всякой лености и слабости, а то и в пьянстве. Многие добрые люди своими помыслами, милостыней и хорошими делами достигают мест святых, находясь дома. А я, посетив святой град Иерусалим, возгордился и тем себя погубил. Дозволите помочь в благом деле, дабы не совестно было домой возвращаться?

Исаак помощь принял, русич трудился рьяно, вскоре появились жертвователи из богатых паломников, и Исаак смог нанять еще троих работников. Водопровод закончили, настоятель и монахи радовались доступной воде, утешившийся Рафаил отбыл в родные края, и тут пришла весть от Иоанна. Василевс даровал брату прощение и разрешал вернуться. Исаак посчитал произошедшее чудом, отстоял благодарственный молебен в монастырской церкви и пустился с семьей в дорогу. Проезжая утром через прибрежную деревеньку неподалеку от Константи-

нополя, Комнины увидели выброшенное на берег ночным штормом торговое судно. Не обращая внимания на крики уцелевших матросов, местные жители растаскивали тюки с товарами, деловито снимали и складывали паруса, выламывали крепкие доски из палубы.

– Папа, что они делают? – изумился Андроник.

– Грабят. Через пару часов все растащат, даже мачту унесут.

– Но ведь потерпевшим кораблекрушение следует помогать!

– В других государствах так и происходит, а у нас грабеж судов – традиция.

Исаак почувствовал поднимающуюся в душе злость от бессилия и обиды. До изгнания он не раз просил брата положить конец позорному обычаю, тот отмахивался: «Никакой закон не поможет. Грабили и будут грабить». Глядя на потных греков, муравьями волокущих доски и мешки в разы больше их, Исаак мысленно сокрушался: «Называем себя наследниками Рима, а поступаем хуже пиратов. Стыдоба! Но мой язык принес достаточно горя семье. Лишь молчание – друг, который никогда не предаст и дарует спокойную жизнь Ирине и мальчикам».

– Неужели нельзя это изменить?! – не унимался Андроник. Исаак развел руками и дал знак продолжать путь. В прибрежных сосновых рощах показались белоснежные дворцы знати, донесся звон колоколов.

Исаак судорожно вздохнул:

– Только у нас такой красивый благовест. Нигде больше не услышишь этого чистого звука, даже в Иерусалиме. – И, чтобы успокоиться, стал читать про себя Иисусову молитву.

Глава 3

Чужак

После смерти василевсы Ирины, принявшей монашеский постриг под именем Ксения, константинопольцы заговорили о чудесных исцелениях у ее захоронения. А невестка покойной Добродея, внучка Мономаха, признанная ведуньей за знание целебных трав, уверенно называла свекровь святой. Сперва Иоанн удивленно пожимал плечами: «Ирина была благочестива, но считать ее святой...» Потом вспоминал замкнутую, почти монашескую жизнь жены и задумывался над словами русской родственницы. Василисса родила восьмерых детей, избегала праздников, жертвовала на строительство монастырей, любила церковные песнопения, и во дворце последние годы постоянно пели монашки. Говорила с мягкой улыбкой редко бывавшему в столице мужу: «Искусство скульптуры удачно передавало идеи греческой мифологии, а музыка в совершенстве воплощает вечные идеи христианства. Не правда ли, мой господин, вдохновенное пение первых христиан, терявшееся в лабиринтах катакомб, вырвавшись на свободу после долгих лет преследований нашей веры, благостно звучит и под высокими сводами храмов, и в скромной хижине, и во дворце василевса?» Иоанн кивал, рассеянно целовал жену в прохладную щеку и отправлялся в очередной военный поход.

Он не мог знать, что через много лет августу причислят к лику святых, но ему все чаще приходили на память ее просьбы о примирении с братом. Тогда василевс и слышать не хотел об Исааке – ему пару раз доносили об интригах беглеца против него при дворах мусульманских правителей. Но доносы не подтвердились, и Иоанн решил ответить на его письмо, давно лежавшее в бумагах.

Ирина в Константинополе с увлечением занялась хозяйством и ликующе говорила мужу за обедом: «Овощи и фрукты в Константинополе другие! Все вкуснее! Чувствуешь разницу?» Исаак пробовал любимый салат сыновей из абрикосов, яблок, миндаля и изюма, чтобы доставить Ирине удовольствие, громко хвалил, но никакой разницы не видел. Возобновив дружбу со столичными поэтами и вернувшись к сочинительству, он вообще не замечал, что ест. Андроник радовался встрече с Мануилом, по которому скучал в странствиях. С детства они походили друг на друга. Сходство сохранилось, оба стали рослыми красавцами, хотя Мануил казался чуть ниже из-за небольшой сутулости. И опять они были неразлучны, лишь развлечения изменились. Семнадцатилетние братья крутили романы с выступавшими на дворцовых банкетах певицами и танцовщицами, ходили к гетерам, легко соблазняли жеманных мимических актрис и смешливых служанок, добивались благосклонности знатных замужних дам. Их имен благородно не упоминали – и у стен, тем более дворцовых, есть уши, а неверных жен мужа избивали и выгоняли из дома.

Вместе они изучали стратегиконы знаменитого полководца Кекавмена и стреляли из лука, сражались с палицами в шипах, копьями и на мечах. Занимались в дворцовом саду, под присмотром светлородного варяжского наставника. Дрались по-настоящему, иногда до крови ранили друг друга, хотя мечи и были затуплены. Варяг делал быстрые замечания, потом вытаскивал «сарацина», деревянный торс со щитом в одной руке и мешок с песком в другой, устремлял его на столбе, раскручивал и кивком головы давал знак идти в атаку. Сложно поразить на полном скаку щит мечом и увернуться от удара. Случалось, получив тяжелым мешком по спине, Андроник и Мануил падали с коней, но, скрывая боль, смеялись, отряхивали пыль с одежды, утирали потные лица и снова шли на вертящегося деревянного истукана. Однажды заметили тетку Анну – худая, с ястребиным носом, в плотно прикрывавшем шею и руки темном наряде, она неспешно прогуливалась по саду. Позади остались ее мечты о троне, муж умер, после неудачного заговора Анна долгие годы провела в монастыре. Заинтересовалась историей

династии, обладая цепкой памятью, мужским умом и хорошим слогом начала писать и прославилась своей ученостью. Василевс простил старшую сестру и радушно принимал, когда она привозила новые главы книги «Алексиада» об их отце. В объявленный варягом короткий перерыв старуха подошла к племянникам, важно сказала: «Ваш дед был великим полководцем, и вы должны брать с него пример, но не забывайте науки, ибо только знание может отразить словесный удар врага. Василевс Алексей чтит историю не меньше военного искусства, ведь она свидетель прошлого, свет истины, живая память, учитель жизни. Поток времени в своем неуклонном и вечном течении влечет за собою все сущее, ввергая в пучину забвения как незначительные события, так и великие. Но хороший исторический труд – надежная защита от потока времени, он сдерживает его течение, вбирает то, о чем сохранилась память, и не дает погибнуть. Читайте древних – только зная прошлое, можно предвидеть будущее».

...Андроник часто навещал одряхлевшего Ерофея. Тот ждал воспитанника и каждое утро на всякий случай готовил его любимое питье из яблочного сока, воды и меда. Исаак обустроил Ерофею маленькое жилье в саду их дома, комната была светлой и теплой. Зимой старик проводил дни в кресле возле печки, вдохновенно читая вслух Библию, весной выходил греться на солнце. Сидя на стуле возле двери, равнодушно провожал выцветшими глазами пробегающих по домашним делам слуг, радостно махал рукой Иоанну и Андронику, а при виде Исаака с трудом, опираясь на деревянную трость, привставал, дребезжащим голосом кричал: «Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» и, довольный шуткой, с беззвучным смехом оседал на стул.

Он сохранил светлую голову, и Андронику нравилось разговаривать с наставником об истории и богословии. Раз, прочтя труд Иоанна Дамаскина о ересь, спросил Ерофея, какую ересь из сотни перечисленных он считает самой опасной. Ерофей ответил не сразу: прошаркал к деревянному шкафчику, достал керамический кувшин со свежим питьем и пузатый бокал зеленого стекла, а затем поставил перед воспитанником на стол. Наконец, крикнув, присел рядом.

– Знаешь, сколько церквей в Константинополе последовало за ересью арианства в конце четвертого века?

– Наверное, много. Половина? – предположил Андроник.

– Все, Андроник. Все церкви последовали за просвитером-богохульником Арием, утверждавшим, что Христос не равен Богу Отцу и атаковавшим триединство. Верна православия осталась одна маленькая домовая церковь.

– Неужели все остальные ему поверили?

– Да, Арий был красноречив, и многие ему поверили. А еще он был хитер, коварен и лжив. Он находил подход к церковному чиновничеству, поэтому сомневавшиеся опасались идти против. Кто-то отступил от истинной веры из страха за свою жизнь. Ведь победившие ариане жестоко расправлялись со своими врагами – Павла Исповедника задушили омофором¹⁵ во время богослужения. И на вселенском Соборе в Никее священнослужителям долго не удавалось опровергнуть ересь, но помогло чудо. Епископ Спиридон Тримифунтский сжал в руке плинфу¹⁶, из-под его пальцев метнулись языки пламени и потекла вода, а когда он разжал руку, на ладони лежала мягкая глина. «Как вода, огонь и земля соединяются в одной плинфе, так в Боге соединились Отец, Сын и Святой Дух. Три лица, а Божество одно», – сказал он, и тогда многие ариане признали триединство и вернулись в лоно церкви. Спросишь, почему об этом чуде не написал присутствовавший на Соборе знаменитый богослов и друг императора Константина Евсевий Кесарийский? Да потому, что он сам был нетверд в догме и симпатизи-

¹⁵ Омофор – у епископа длинная широкая лента с изображениями крестов. Огибая шею, спускается одним концом на грудь, другим – на спину.

¹⁶ Плинфа – глиняный кирпич.

ровал арианам. А когда ему доверили составить символ веры от лица Собора, выбрал благоприятные арианству выражения, и его пришлось переписывать. Хвала святым отцам Николаю Чудотворцу, Спиридону Тримифунтскому и Афанасию Великому – не побоялись пойти против Евсевия. Ведь, став царедворцем, он стремился угадать любое желание императора, а тот желал церковного мира, не осознавая, что достижение мира любой ценой есть предательство... Или возьми ересь константинопольского епископа Нестория. Несторианцы не только выдумали, что Христос родился человеком и изобрели принижающий Богородицу термин «Христородица», но и споспешествовали появлению ислама. Несторианский священник Варака убедил Магомета, что его видения не наваждение, а приносимые архангелом Гавриилом божественные откровения.

– Откуда он знал Магомета?

– Приходился двоюродным братом его жене Хадиже. Варака был уже слепым стариком и отошел вскоре после встречи с Магометом. Помри вредоносный несторианец на неделю раньше и ислама бы, возможно, не существовало. Представь себе александрийцев и багдадцев с их гостеприимством, смирением и без этой жестокой религии в сердцах. Да они были бы лучшими из христиан... А помнишь, кто написал: «Верую, ибо абсурдно»?

– Тертуллиан?

– Умница, это парафраз из его труда «О плоти Христа». Там есть удивительная фраза: «И сын Божий умер, ибо это нелепо. И, погребенный, воскрес: это несомненно, ибо невозможно». На заре христианства Тертуллиан понял, что в вере нет места для рациональной теологии. Ереси же пытались дать рациональное объяснение необъяснимому, приноровить непостижимые, таинственные, великие истины веры к пониманию человеческого рассудка и этим ввергали людей во власть хаоса и тления.

...Как и при августе, атмосфера в императорском дворце напоминала монастырскую, праздники были редки. Но осенью, когда спадала жара и в воздухе тянуло дымком, в загородном дворце проводили церемониал в день сбора винограда. Под высокими сводами выходящей на огромный виноградник галереи собиралась титулованная знать: кесари из семьи Ангелов и Рожеров, паниперсевасты из Контостефанов, севасты Враны, Дуки, Палеологи, Гавры, Лапарды и Вриеннии, протоновелисимо-ипертаты из рода Айофеодоритов, протоновелисмы Триптихи, протокуропалаты Скилицы и Карианиты, куропалаты Маврики и Месариты. Все величественные, нарядные, с гордой осанкой и завитыми бородами, ни на минуту не забывающие о своей значимости. У многих еще отцы и деды служили Комнинам, а некоторые с ними породнились. Позади становился дим – певческий хор из голосистых константинопольцев под руководством строгого димарха. Василевс в расшитом золотом плаще и патриарх в светлой ризе подходили к мраморному столу, и к ним выстраивалась очередь из сановников. Распорядитель торжества приносил бочонок с виноградом, патриарх творил над ним молитву, преподносил Иоанну первую гроздь, а тот вручал по грозди патриарху и каждому сановнику. Вступала первая партия певцов:

Патрикиев преславное сословье,
Цветы на поле мудрости Господней
Под песнопенье вам увенчаны главы,
Где мысли светлые, и насладимся мы!

Вторая партия подхватывала:

Добродетель твоя, государь —
Плодоносная гроздь,
Что теперь поспевает!

В полном кубке вина —
Блеск могущества,
Что сегодня наш хор воспевает!

Третья партия завершала:

Сильным мира сего гроздь плодоносную
Сегодня пристало принять из рук Венценосного.
Виноградную зрелость вкусив
Возликует синклит,
И покои царя засияют,
Несказанная радость пусть мир до небес наполняет!

Хор замолкал, Иоанн заканчивал раздачу винограда и дарил каждой партии димов по шесть номисм¹⁷. Певцы возносили молитву за щедрого владыку и, весело галдя, уходили, а василевс с патриархом и приближенными шли трапезничать во дворец. Гости рассаживались за опрысканный благовониями стол, слуги зажигали свечи на оливковом масле, разносили византийский деликатес – зайчатину, салаты, колбасы и сыры, разливали чудесный киликийский мускат, курились камфора и касия, веселье продолжалось до темноты. Андроник сидел рядом с Мануилом и развлекал его забавными рассказами. Иоанн отсутствовал – чувствуя себя в Константинополе чужаком, он редко выходил из дома. Друзья детства выросли, старшие сыновья василевса держались дружелюбно, но у них уже подрастали дети, и им было не до двоюродного брата, а должности василевс ему не предложил.

«Он приглядывается к тебе, подожди немного», – успокаивал Исаак первенца. Иоанн только грустно улыбался и качал головой. Единственной его радостью стали конные прогулки. Он выводил из конюшни своего коня Буцефала на рассвете, – родители, Андроник и слуги еще спали, дом был тих, – и неспешно объезжал окружавшие столицу сосновые леса. Этого породистого скакуна он получил полуторалеткой от отца на свой день рождения, во время их странствий. Денег у Исаака тогда не хватало, и, чтобы сделать сыну дорогой подарок, он тайком продал золотую цепь, которую раньше носил при константинопольском дворе. Догадавшись об этом, Иоанн стал дорожить жеребенком еще больше, на заездку никому не отдал, сам приучил к седлу. Теперь скакун ходил рядом без уздечки, преданно заглядывая в глаза на привалах. «Один ты у меня верный друг», – говорил Иоанн коню, скармливая сорванные травинки. Буцефал мог сорвать их сам, но с благодарностью брал с ладони хозяина как изысканное лакомство и жевал с видимым удовольствием.

...В ответ на грабежи имперских земель василевс объявил о походе против сельджукского государства Данышмендидов, решив захватить их город Неокесарию. Выступили в декабре, долго шли по побережью Черного моря, где пробирал до костей и дубил лица холодный ветер. Потом началась узкая и каменистая горная дорога, постоянно моросил ледяной дождь, кони скользили на мокрых камнях. Присоединившиеся к армии василевса продюргские франкские рыцари громко жаловались на непогоду, греки чихали в кулак и крестились.

Пять месяцев длилась осада Неокесарии, затем начался бой. В посеревшем от поднятой конскими копытами пыли воздухе зло свистели стрелы. Исаак с Иоанном и Андроником прикрывали василевса, чуть поодаль рубился его старший сын и соправитель Алексей. Младший сын василевса, Мануил, неожиданно бросился без разрешения отца в гущу мусульман, отбили его чудом. Отъехав со спасенным племянником в сторону, Исаак ему выговорил: «Отвага и

¹⁷ Золотая византийская монета с конца X до XIV века.

энергичность без разума – качества отрицательные. Это дерзость, а не храбрость. Сколько седых волос ты прибавил отцу твоим неосмотрительным поступком?»

Василевс действительно был вне себя от гнева из-за бравуры сына, и раздражение должно было на кого-то выплеснуться. Неподалеку у франкского рыцаря ранили жеребца – тонко заржав, он упал на бок, судорожно посучил задними ногами и испустил дух. «Отдай ему коня», – приказал василевс Иоанну, играя желваками. Царственный родич обратился к нему, как к конюху, и Иоанн заледенел от гнева. Не мог он отдать своего чудесного Буцефала какому-то франку и остаться рядом с пропахшими чесноком наемниками из пехоты! Перед Иоанном промелькнули годы изгнания с бесконечными пыльными дорогами, тоской по Константинополю и чужими домами, а потом вспомнился холод, которым его обдали в отечестве. «За что это унижение от дяди? Почему близкие так несправедливы? Если у кровных родичей нет любви и милосердия, то чего стоят торжественные службы в Святой Софии? Василевс молится со смиренным видом, но в душе-то у него презрение и жесткость. Кругом ложь, вся Ромея изовралась, и василевс первый лжец, злой и бездушный!»

Иоанн отчетливо понял, что никогда не станет своим. С яростью сбросив на землю доспехи и повернув копье острием назад, он поскакал к приветствовавшим его восторженными криками мусульманам. От Данышмендидов поехал в Конийский султанат. Масуд встретил беглеца сердечно, назвал «благоухающим розами и ладаном», а через три месяца дал понять, что пора выбирать: либо обращение в ислам и брак с его старшей дочерью Кемеро, либо унижительное положение перебежчика. Красивая умная Кемеро, которую Иоанн знал с детства, нравилась ему, и он готов был жениться, но принять ислам не решался. На память приходил часто нападавший на веру пророка Ерофей: «Бедный Магомет, – воздевал сухие руки к небу старик, – славный честный торговец, принявший за откровения свыше слова черного ангела! Сперва, почувствовав в них мрак, он хотел покончить с собой, бросившись со скалы! И бросился бы, не убеди его жена Хадижа с помощью своего родича, священника-еретика, в божественности открывшегося ему. Этой стареющей женщине не хватало, что ее муж молод, трудолюбив и красив, ей хотелось быть женой пророка! У Магомета болела голова во время каждого откровения, у него случались припадки, вся его человеческая сущность сопротивлялась навязываемому ему демоническому учению, а Хадижа продолжала верить, что ее муж несет истину. Вскоре за Магометом следовали толпы, но если в Иисусе все божественно: дела, слова, сама его жизнь, отданная за нас, то в Магомете все до предела земное. Иисус не хотел получить царств земных, не стремился к земному могуществу. Он просил от нас одного – любви и взамен давал безграничную любовь. Магомет же требовал беспрекословного послушания и шел по миру с мечом. Действовал как опытный полководец, как дальновидный политик, но не как посланник Господа, ибо завоевывал земли, а не души. Что обещает магометанская вера праведникам? Девственниц в раю и греховные чувственные удовольствия! Конечно, от такого слабым людям сложно отказаться. И зараза распространилась по миру, приманивая телесными радостями в загробном мире и возводя в идеал жестокость на земле. Смерть за неверность, смерть за иноверие, смерть за кражу. Смерть, смерть, смерть! Кто мог создать подобную веру? Ах, Хадижа, Хадижа, поистине, женщина – орудие лукавого!»

«Старик был полоумен, – убеждал себя Иоанн, гуляя по внутреннему саду дворца султана, где пьяняще пахли розы и умиротворяюще журчала вода в резных фонтанах, – он помещался во время наших странствий. Меня всегда пугал его пронзительный взгляд. Христиане тоже становятся рабами чувственности. Идут на те же жестокости, что и мусульмане, отрубают руки и ноги, отрезают языки и носы, ослепляют и сажают на кол. А кто выдумал медного быка, в котором сжигали людей, слушая их дикие крики благодаря хитроумной системе труб? Наш, грек Перелай, хотя и в дохристианские времена. И сейчас в Византии сжигают живьем, пусть не в быке, а в медной цистерне, но тоже ужасная смерть. Да, у мусульман чаще забивают камнями, но какая разница, как умереть: «по-христиански» – на колу или заживо сожженным, или

«по-мусульмански» – под градом булыжников? Смерть остается смертью, а жалости нет нигде, потому что человек самое страшное и бессердечное создание на земле». По окончании Рамадана и радостных дней Ураза-байрам Иоанн принял ислам, взял имя Магомет и женился на Кемеро. Ласковая, с глазами-маслинами, пахнущая мускусом и сандалом, она помогла Иоанну забыть прежнюю жизнь. Лица отца, матери и брата размывались, как фрески в затопленной при наводнении церкви. Прошлое умирало, будущее рождалось в послушном теле жены, в легких ударах, которые давал их сын в ее чреве. Когда тоска по родным возвращалась, Иоанн шел к понуро стоявшему в стойле стареющему Буцефалу. Прислонившись лбом к подрагивающей шее бессловесного друга и прикрыв глаза, вспоминал, как пятнадцать лет назад отец привел этого тонконогого, испуганно прядущего ушами, неимоверной красоты жеребенка, и как он захлопал в ладоши от нахлынувшей радости, и как сиял отец, видя, что он счастлив. Иоанн открывал глаза, гладил Буцефала по седеющей гриве, а тот по-конски показывал хозяину свое уважение и любовь, раздувая ноздри и шумно выдыхая ему в лицо отдающий свежескошенной травой воздух...

Узнав от проезжего гостя, что отца по высочайшему приказу заковали в кандалы и отправили в ссылку в Ираклию Понтийскую, Иоанн долго метался в бессильной ярости, проклиная василевса, желая ему горя и боли. И столько было ненависти в его словах, что казалось, они обрели материальные очертания – темные тени по-змеиному извивались, ожидая возможности отомстить обидчику, ужалить, извести, чтобы и следа от него не осталось.

...Ирина и Андроник хотели последовать в ссылку за Исааком, но василевс оставил их заложниками в столице. Андроник продолжал бывать при дворе, хотя чувствовал себя неуютно, несмотря на улыбки придворных и услужливость дворцовой челяди. В улыбках таилась ложь, в вычурной услужливости насмешка. Только Мануил глядел добро и разговаривал по-родственному. В благодарность Андроник не раз прикрывал двоюродного брата в походах, одним ударом меча до пояса разрубая нападавших. Его женитьба на хорошенькой, с ямочками на щеках и пытливыми карими глазами Ирине из знатной, ученой константинопольской семьи ничего не изменила. Два родственника остались неразлучны, хотя через полгода Андроник прекратил совместные похождения. Мануил встревожился:

– Ты заболел? Какая-то мерзавка наградила тебя хворью?

– Нет, – улыбнулся Андроник. – Ирина ждет ребенка, ей нездоровится, и я решил быть возле нее.

– Счастливчик! Как назовешь, если родится мальчик?

– Не догадываешься?

– Выбор велик, – протянул Мануил притворно-раздумчиво, – у нас есть много красивых и звучных имен.

– Хитрец, – рассмеялся Андроник, – знаешь ведь, что назову первенца в твою честь.

На восьмой день после рождения мальчика священник провел первый предписанный чин перед дверьми храма, чтобы назнаменовать младенца и наложить на него имя Божье, а Мануил одарил новорожденного тезку царскими подарками. Затем уговорил василевса присутствовать на оцерковлении на сороковой день. Андроник светился от радости, когда священник с попискивающим младенцем зашел в алтарь и трижды обошел трапезу, прикладывая к ней малыша лицом. Прочтя молитву с упоминанием Сретения Господня, священник вручил «кулечек» Мануилу, тот поцеловал мальчика и передал Андронику, шепнув:

– Бери твое сокровище, пусть растет, через три года окрестим¹⁸.

«Только бы папа к этому времени вернулся», – подумал Андроник. Мысли о ссыльном отце его не оставляли. Он боялся за него, а еще больше за маму. Разлука со старшим сыном

¹⁸ В Византии младенцев крестили после 3-х лет.

и мужем оказалась для Ирины страшнее изгнания и нужды. Из красавицы она до времени превратилась в худую старую женщину с потухшими глазами.

Глава 4

Власть

Старший сын василевса Алексей, его соправитель, гордость и надежда, заболел желтой лихорадкой в военном походе, возле Аттали¹⁹. Иоанн в бессильном отчаянии смотрел на муки любимца: у него начался сильный жар, рвота, боли во всех мышцах, точеное лицо стало одутловатым, веки отекали, кожа пожелтела из-за отказавшей печени. Через четыре дня василевс закрыл первенцу глаза. Гроб отправили в Константинополь в сопровождении второго сына, севастократора Андроника. В пути у того появились те же симптомы. Иоанн метался по палатке, ожидая очередного гонца с вестями. Узнав, что врачи не спасли и второго наследника, закаменел от горя. На поминальной службе стоял безучастно, осунувшийся, чуть покачиваясь из стороны в сторону, рядом всхлипывал Мануил, украдкой вытирали слезы воины...

Ночью сон не шел, Иоанн на мгновение задремал и в ужасе вскинулся, явственно услышав голоса умерших сыновей – они звали на помощь. Мокрая от пота рубашка прилипла к телу, могильным холодом леденя спину. Василевс стянул ее, машинально растер грудь влажной тканью, кинул на пол и закутался в покрывало. Предрассветная тишина оглушала. Огромное, как штормовая волна, чувство утраты сбивало с ног. «Мои мальчики... Почему умерли они, а не я? Почему?» – шептал Иоанн. Лил ледяной дождь, мокрые стены палатки из козьей кожи смердили адом, Бафомед скалился из угла...

Иоанн не выходил из палатки неделю, потом отдал приказ двигаться на Антиохию: его вассалу князю Раймунду²⁰ угрожал Занги²¹. Придворные облегченно вздохнули – василевс оправился от горя. При виде византийского войска франки испугались, совет баронов княжества и горожан постановил, что «не отвечало бы высшим интересам страны, если б город столь знатный, могущественный и хорошо укрепленный был бы отдан под власть императора по какому бы то ни было соглашению». Антиохийское католическое духовенство тоже заволновалось, противясь размещению в княжестве ромейских войск:

– Если сегодня примем византийскую армию, завтра придет византийское духовенство и изгонит нас из храмов!

Священники предлагали народу свергнуть князя, назревал бунт.

«Мне не достигнуть успеха на Востоке, пока Эдесса и Антиохия не перейдут империи, – думал василевс, объезжая ощерившиеся каменными зубцами городские стены княжества, – сюзеренитет латинян ничего не стоит, они неустойчивы, непостоянны, алчны до денег, под любым предлогом нарушают обещания и договоры, верить им нельзя. Весной сломя их сопротивление, а после освобожу от мусульман Малую Азию. Я обязан это сделать в память о моих мальчиках».

Приближались холода, Иоанн отступил с войском на зимовку в Киликию, чтобы вернуться весной. В конце марта, накануне выступления, поехал, по своему обыкновению, рано утром, до завтрака, на кабанью охоту. Всадил копьё в грудь вылетевшего из чащи огромного вепря, но тот еще несколько мгновений напирал, клацая клыками и пытаясь поддеть брюхо императорского коня. Иоанн крепко держал рукоятку копья, отталкивая разъяренного болью зверя. Кабан повалился на бок, утробно хрюкнул и затих. Тут василевс заметил, что поранил левую руку об отравленную стрелу в колчане на поясе. Сперва врачи не останавливали кровотечение, чтобы из раны вышел яд, затем наложили кожу кролика, безотказно помогавшую в

¹⁹ В августе 1142 года.

²⁰ Раймунд де Пуатье, князь Антиохии (ок. 1115–1149).

²¹ Атабек Мосула Имад ад-Дин Занги (1087–1146).

заживлении. Рана затянулась, но на следующий день рука стала чернеть. Иоанну обустроили в палатке широкое ложе, чтобы он мог держать больную руку на высоких подушках. Из Константинополя спешно привезли Николая Калликла. Лучший врач империи озабоченно осмотрел гангренозную конечность:

– Порфирородный, вашу жизнь спасет только ампутация. Я могу произвести ее немедленно.

– Ромеями не может править калека, – ответил Иоанн и быстро, чтобы никто не заметил испуга в его глазах, отвернулся к стене. Помрачневший Калликл уехал, в императорской палатке установился тяжелый запах разлагающейся плоти.

Мануил не находил себе места, к тревоге за отца примешался страх из-за неопределенности. Кому он передаст императорский перстень? По старшинству на трон должен взойти третий сын, Исаак, хотя при дворе над ним подсмеиваются: боязлив, вздрагивает при каждом непривычном звуке, вспылчив. Иоанн не раз говорил, что сыну лучше держаться подальше от власти. Получается, императором станет он?! Самому младшему, выросшему в тени старших братьев, отводилось слишком мало времени, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Начался апрель, а небо оставалось по-зимнему серым, по ночам завывал холодный ветер. Маясь бессонницей, Мануил заходил в палатку Андроника и подолгу сидел, сутулясь больше обычного и согревая руки о серебряную чашу с горячим питьем. Андроник понимал, что скоро его дядя умрет, двоюродный брат взойдет на трон и между ними проляжет невидимая, но крепкая граница – Мануил превратится в императора, наместника Бога на земле, а он останется простым смертным. Отдалится ли двоюродный брат, любимый им, как родной? Об этом Андроник не хотел ни думать, ни говорить. Оба молча ожидали неизбежной плохой новости, которая должна была изменить их жизни.

...На рассвете Мануила вызвали в палатку отца, где собрались все приближенные. Голос умирающего срывался, на лбу выступила испарина.

– Сын, мои планы для империи были обширны. Мне хотелось омыться в водах Евфрата, повидать реку Тигр, рассеять неприятелей, утвердившихся в Киликии, усмирить сельджуков и навсегда сделать ромейской землю Палестины, где Христос своею смертью восстановил нашу падшую природу, распростерши руки на кресте. Этим надеждам не суждено было сбыться, но у империи остаешься ты. Возьми кольцо, продолжи дело, начатое твоим дедом и мною. Верни Ромее силу и блеск, ты способен на это. Комнины должны править миром. – Иоанн протянул Мануилу руку с императорским перстнем:

– Сними, я не могу.

Вытирая ладонью набегающие слезы, Мануил судорожно крутил перстень на опухшем отцовском пальце. Тот не снимался, наконец поддался, и всхлипывающий Мануил надел его, крепко сжав кулак, будто боялся, что кольцо отнимут. Иоанн с трудом приподнялся на постели, обведя глазами присутствующих, указал здоровой рукой на Мануила:

– Вот ваш василевс, принесите ему паллий²² и стемму²³.

Когда священник накинул на плечи Мануила царский плащ и водрузил на голову украшенную жемчугом и драгоценными камнями золотую диадему с длинными подвесками у висков, тело Иоанна свела судорога, и его не стало.

Поздним вечером Мануил вызвал в свою палатку великого domestika Иоанна Аксуха и хартулария²⁴ Василия Цинцилука. Непривычно строгий, за несколько часов возмужавший, приказал: «Быстро езжайте в Константинополь и заключите Исаака в монастырь Вседержителя, чтобы не пытался получить верховную власть. Вот две грамоты для духовенства Свя-

²² Императорский плащ.

²³ Императорскую диадему.

²⁴ Начальника канцелярии.

той Софии. Обе написаны красными императорскими чернилами и скреплены золотыми печатями. В одной духовенству назначается ежегодно 200 мин серебряных монет, в другой столько же золотых. Ежели у брата найдутся сторонники и в городе начнутся волнения, понадобится поддержка священников. Тогда дайте им грамоту с золотом. В противном случае ограничьтесь серебром. Исаака не выпускайте до моего прибытия. Да поможет вам Бог».

Сражаться за трон Мануилу не понадобилось. Хотя Исаак причитал в монастырской келье: «Ко мне, после смерти первородного брата Алексея, должен перейти римский скипетр, мне по праву принадлежит власть», никто в Константинополе его не слышал, но и, услышав, не заступился бы – Исаак вызывал лишь снисходительные усмешки. Аксук вручил духовенству грамоту с серебром, и город стал готовиться к встрече нового василевса. Мануил хотел выехать как можно скорее, но требовалось соблюсти положенный траур и отслужить молебны на третий и девятый дни. В лагере звучали молитвы, похоронные бдения священников напоминали об ожидающем каждого неминуемом финале. Затем тело Иоанна перенесли на зашвартованный на реке Пирам корабль, и он отплыл к Константинополю, а наутро выступил с войском Мануил. Впереди двигалась тяжелая конница, гордость византийской армии – дисциплинированная, облаканная василевсом, организованная в постоянные части. В каждой воины-катафрактарии с длинными пиками, в тяжелых доспехах, с пучками конских волос определенного цвета на шлемах, чтобы быстро распознать своих. За ними следовал отряд наемных пехотинцев под командованием этериарха – уже много лет Византия прибегала к найму войск, и иноземцы сражались бок о бок с греками за жалованье или долю добычи. Рослые англосаксы и русы в крепких кольчугах, с выпуклыми круглыми щитами бодро шагали по пыльной дороге, поигрывая тяжелыми секирами, казавшимися игрушечными в их огромных руках. Мануила окружали императорские гвардейцы из викингов и славян с палицами, цепко осматривавшие окрестности, дорога шла через Конийский султанат, и они опасались атаки сельджуков. Андроник ехал рядом с Феодором Дасиотесом, зятем умершего севастократора. Он был удручен смертью могущественного тестя, а после гибели василевса совсем помрачнел и все время тяжело молчал.

– Хватит грустить, – похлопал его по плечу Андроник, – люди не властны над смертью. Против всего можно добыть себе безопасность, а что касается смерти, мы живем в неукрепленном городе. Давай радоваться тем, кто остался. Мы увидим жен, и я смогу взять на руки моего маленького Мануила. Я так по нему соскучился!

– Мы плетемся, как черепахи, – вздохнул Феодор.

– Зато у нас есть время забить в соседнем лесу кабана и догнать наших до наступления темноты. Согласен? – Понурий Феодор слабо улыбнулся:

– Кто же откажется хоть на пару часов забыть о горестях?

Исчезновение Андроника и Феодора заметили только ночью. Наутро лазутчики донесли василевсу, что их задержали конные лучники Масуда.

– Какая глупость! – Мануил в сердцах так резанул воздух хлыстом, что его конь испуганно шарахнулся. – Зачем они поехали на эту проклятую охоту? Будто недостаточно охоты, убившей моего отца. – Он решил продолжать путь, оставив родственников в мусульманском плену. В Константинополе ждало помазание патриархом, долженствующее окончательно узаконить и утвердить его власть, откладывая церемонию Мануил не мог. Горожане встретили молодого василевса рукоплесканием. Перед дворцовыми воротами его скакун ударил копытами в помост, потом церемонно, высоко поднимая передние ноги, описал пассажем несколько кругов и только затем вошел в них. Суеверные назвали это добрым предзнаменованием и залогом долгой жизни нового Комнина. На торжественную церемонию коронации собрался синклит в парадных одеждах, распорядитель густым, похожим на львиный рык басом произнес: «Повелите!». И в ответ все громко возгласили: «На долгие и благие времена!». Мануил с патриархом Михаилом и двором последовал к Господнему храму. Помолвившись перед святыми вратами, взошел с патриархом на амвон, тот совершил молитву над императорской диадемой

и водрузил ему на голову. Народ перед храмом ликующе закричал: «Свят, свят, свят! Слава Господу в вышних и мир на земле! Многая лета великому царю и самодержцу!» Мануил сел в золоченое кресло, чины по очереди опускались перед ним на колени и целовали ноги, басовитый распорядитель вновь рыкнул: «Повелите!», и снова все ответили ликующим: «На долгие годы и благие времена!»

После этого Мануил выпустил брата из монастыря и по установившейся традиции даровал ему титул севастократора. На пиру в императорском дворце столы под вышитыми золотом скатертями ломились от нежной сдобы, жирных метровых лавраков²⁵ и зажаренных на углях и начиненных рыбой фазанов и пулярок. Курились благовония, певцы выводили радостные рулады, музыканты играли праздничные мелодии на лирах и цимбалах. Исаак громко хвалил младшего брата и поднимал кубок за его здоровье, а придворные угодливо улыбались, восхваляя яркое светило, взошедшее на небосводе империи и согревшее своим сиянием жизни подданных.

В первые месяцы царствования Мануил был щедр с родственниками и двором, просящим денег незамедлительно их давал. Будто в глубине души не чувствовал себя на законном месте и покупал у окружающих поддержку и одобрение. Аскетичные правила отца забыл, часто устраивал банкеты. С удовольствием выслушивал слова благодарности, радовался, когда соглядатаи передавали восхищенные отзывы о нем придворных в кругу семьи, – как не верить сказанному наедине с близкими, – цепко вглядывался в глаза приближенных: «Предан ли? Служит верно или лукавит?» Страх потерять неожиданно полученную власть соединился в его душе с тщеславием, а желание быть любимым – с подозрительностью. Когда ему донесли о заговоре вдовы старшего брата севастократориссы Ирины, он, даже не изучив дела, заточил свояченицу и конфисковал ее имущество.

Возможно, Мануил и не верил в виновность Ирины, но она давно раздражала его дружбой с писателями. Литераторы восхваляли ум севастократориссы, особенно восторгался близкий ко двору Феодор Продром²⁶ и в течение нескольких недель после смерти Алексея, уже видя на престоле порфирородного Андроника, называл ее «блистательной василиссой». Этому Мануил простить родственнице не смог. А вот Исаака из Ираклии Понтийской вернул – сильно поставивший дядя опасности не представлял. По докладам тайных агентов, он хорошо говорил о венценосном племяннике и увлеченно рассказывал жене и друзьям о месте ссылки, где много веков назад принял мученическую смерть военачальник Феодор Стратилат:

– Можно ли сожалеть о времени, проведенном в святом месте? Провидению было угодно, чтобы я узнал о жизни праведника, обратившего в христианство весь город и раздавшего бедным для переплавки золотые изображения римских богов! Сейчас пишу его биографию, грешно забывать столь удивительного подвижника.

Мануил наслаждался властью и заискивающими взглядами подданных. Задумав во Влахернском дворце новые залы с мозаиками и росписями, прославляющими военные подвиги Алексея и Иоанна, несколько стен приказал оставить пустыми для увековечения своих будущих побед. Он дал отцу обещание завоевать мир и его исполнит.

Прошли месяцы, а молодой василевс так и не отправил к конийскому султану послов с предложением о выкупе родственников, находя отговорки, когда его просила за мужа племянница Мария или заговаривал о сыне Исаак. Мануил понимал, что поступает дурно, но его останавливало смутное опасение. Вскоре оно оформилось в четкую мысль – возвращение разделявшего с ним детские игры и прикрывавшего в боях Андроника могло ему навредить. Раньше Мануил почти не придавал значения тому, что на двухметрового, с идеальной осанкой Андроника больше смотрели женщины и внимательнее слушали мужчины, удивляясь красно-

²⁵ Лаврак – то же, что сибас, морской судак.

²⁶ Феодор Продром (ок. 1115 – ок. 1160) – византийский поэт, писатель и грамматик.

речию, образованности и знанию Писания. Но, став василевсом, Мануил отчетливо вспомнил эти восторженные взгляды и одобрительные улыбки и понял – в сравнении с двоюродным братом он проигрывает и, случись с ним несчастье, трон получит не боязливый Исаак, а смелый, умный, громадноростый Андроник.

Глава 5

Дома

Отбиваясь от отряда лучников, Андроник с Феодором ранили троих. В отместку сельджуки их сильно избили и, совсем оглушенных, привели к Масуду. Тот всплеснул руками:

– Андроник, почему ты не сказал им, что мы родичи?!

Андроника и Феодора развязали, врач промыл ссадины. Пришел Иоанн в расшитом кафтане, шальварах, тюрбане. Андроник в первое мгновение даже не узнал в этом худом, с первой проседью в бороде человеке старшего брата. За пять лет в землях ислама он превратился в настоящего сельджука.

Шли дни, Андронику и Феодору прислуживали и выражали знаки почтения, но они оставались пленниками. Андроник играл в шахматы с Иоанном, с радостным удивлением наблюдал за быстрым и умным племянником Каталмышем, а Феодор изнывал от тоски:

– Как Мануил мог нас бросить? Где видано, чтобы василевс не предложил выкуп за своих близких? У него каменное сердце.

– Подожди, скоро все разрешится, Мануил не оставит нас, – успокаивал его Андроник.

Иоанн попросил младшего брата называть его Магометом, – под этим именем все знали его в султанате, – и подарил Коран в золотом переплете. Андроник с интересом читал суры, переключавшиеся с библейскими текстами. Уловив их мелодичную красоту, выучил наизусть и продекламировал первую, Аль-Фатиха, похожую на «Отче наш»: «Хвала Аллаху, господу миров. Всемиловит и милосерден он один. Дня судного один он властелин. Мы предаемся лишь тебе и лишь тебя о помощи взываем...»

Иоанн просиял:

– Слово «сура», обозначающее на арабском «картина», происходит, возможно, от персидского «даставара», браслет, чья круглая форма является символом вечности, непрерывности и цельности. Или же от слова «тасаввур», восхождение, в данном случае духовное. А «сур», корень слова «сура», обозначает крепостную стену. Видишь, как много толкований, и все подходят. Разве вечность и духовное восхождение не определяют сущность этой удивительной книги? И разве, постигнув ее мудрость, ты не чувствуешь себя защищенным крепостной стеной?

Андроник кивнул, но его насторожили искорки в глазах старшего брата. Они появлялись всякий раз, когда тот говорил о своей новой вере, и напоминали всполохи пожаров в христианских селениях, которые сельджуки предавали огню.

...Послание Мануила пришло лишь через год. Он писал, что, зная благородство султана, не сомневается в скорейшем освобождении родных. О выкупе не было ни слова. Быстро пробежав строки на плотной желтоватой бумаге, Масуд отложил свернувшийся в трубочку лист и позвал зятя.

– Василевс просит освободить Андроника и Феодора. Вот письмо, прочти. Я выполню его просьбу, а ты уговори брата не уезжать.

Иоанн поспешил к Андронику.

– Мануил наконец вспомнил о родичах, и султан дарует вам свободу, но предлагает тебе остаться.

– А Ирина и наш сын? Я очень скучаю по ним.

– Они переберутся в султанат, Кемеро подружится с Ириной.

– Но что станет с родителями?

– Мы уговорим переехать и их.

– Я должен буду принять ислам?

- Конечно.
- Бескомпромиссность веры Магомета не для меня.
- Истинная вера всегда бескомпромиссна. Разве Иисус учил компромиссам?
- Он учил любви и всепрощению.
- Ислам учит тому же.
- Да, но призывы к священной войне против неверных в Коране...
- Все зависит от прочтения, – мягко перебил его Иоанн, – почти все имамы трактуют эти слова как призыв к борьбе против собственных демонов зависти, подлости, жадности.
- Но некоторые трактуют их иначе и разжигают в сердцах мусульман такую ненависть к иноверцам, что счет жертв ведется на десятки тысяч. Добро однозначно и не нуждается в трактовках, остальное от лукавого.

В глазах Иоанна вспыхнули знакомые Андронику недобрые искорки.

– Хорошо тебя выучил полоумный Ерофей. Но даже если ты считаешь веру Пророка верой лукавого, когда-нибудь она будет править миром. Ислам восторжествует благодаря мечам правоверных и животам их жен. Поступай как хочешь, но запомни – ты для Мануила соперник. Он даже не предложил за вас выкуп, рассчитывал, что Масуд тебя не отпустит. На что ты надеешься, возвращаясь в Константинополь?

– На нашу детскую дружбу.

– Ради верховной власти забывают и дружбу, и родство. При дворе Мануила происходят нехорошие вещи. Будь осторожен.

...Зайдя в дом, Андроник сразу пошел в гинекею, бережно взяв на руки четырехлетнего сына, тихо сказал: «Я твой папа, помнишь меня?» Он боялся, что маленький расплачется, но малыш, внимательно на него посмотрев, повторил «папа» и положил голову на отцовское плечо. Андроник поцеловал шею сына, вдыхая чистый детский запах. Сияющая Ирина расспрашивала о жизни у Масуда и сумбурно делилась столичными новостями. Ее любовь была абсолютна и всепрощающа с первого дня их союза. Слухи о похождениях мужа она пропускала мимо ушей, а месяцы разлуки забывала после короткой встречи. Андроник невредим, вот что важно, все остальное – чепуха и не заслуживающие внимания наветы завистников.

Приехали родители. Сохранивший прямую осанку, но как лунь седой отец, – новую ромейскую моду краситься хной не принял, сочтя женским кокетством, – прочел стихотворение, сочиненное по случаю его возвращения из плена.

– Сегодня утром слова сами сложились в рифму от переполнившей сердце радости, мой мальчик!

Воспрянувшая после возвращения Исаака мама, – голубые глаза в мелких морщинках ожили, худоба уже не казалась такой болезненной, – отвела Андроника в сторонку и, встав на носки, расцеловала, как в детстве, а затем шепотом спросила про Иоанна, про внука, которого не суждено было увидеть. Слушала, сцепив руки, быстро перекрестясь, выдохнула:

– Главное, что вы оба живы и здоровы, спасибо, Господи.

Мануил встретил Андроника широкой улыбкой, задержку с освобождением объяснил неотложными делами:

– Представь, как только я приехал в столицу, Раймунд Антиохийский коварно напал на отвоеванные отцом земли в Киликии. Воспользоваться его смертью и безвременьем, чтобы занять тамошние замки – согласишься, какая низость! А ведь этот неграмотный трубадур давал нам клятву верности. Действовать следовало немедленно, чтобы другим было неповадно. Бросил на него флот под командованием Дмитрия Враны и армию под началом Просуха и хорошенько проучил наглеца. Как я счастлив тебя видеть! Где прекрасные времена, когда мы могли беззаботно веселиться сутки напролет? Теперь мой день расписан по минутам, к вечеру голова идет кругом от просителей, но приходи, когда хочешь, для тебя я всегда найду время. И обязательно подготовься к турнирам, ближайший назначен на послезавтра.

Рыцарские турниры Мануил устраивал каждую неделю, опасное развлечение его захватило. На всем скаку ударить противника копьем, сбросить с коня, забрать доспехи, заслужив безрассудной смелостью уважение рыцарей и одобрительные улыбки наблюдающих за поединком прекрасных дам – что может быть восхитительнее?!

Папы римские осуждали турниры, называли порывистым безрассудством и запрещали хоронить погибших на них в христианской земле, но рыцари Запада, Мануил и его придворные продолжали сражаться. Мануил выигрывал поединки, а его невеста Берта Зульцбахская восторженно писала родне, что Комнин самый сильный и отважный воин из всех живущих на земле. Покойный василевс обручил Мануила со свояченицей германского императора Конрада, чтобы противостоять с ним вторжениям воинственного норманнского короля Сицилии Рожера Второго. Когда византийские послы привезли в Константинополь по-детски нескладную веснушчатую Берту, Мануил решил не спешить со свадьбой, поэтому три года будущая императрица изучала греческий язык и местные обычаи.

Крепкий, на две головы выше противников, Андроник тоже легко сбрасывал всех рыцарей в красноватую пыль арены, поэтому в конце каждого турнира неизменно сходил с Мануилом в последнем поединке. И всегда ему поддавался – не из лести или страха рассердить, а по твердому убеждению, что никто на людях не должен оказаться сильнее василевса. Несмотря на год плена, он по-прежнему любил двоюродного брата как родного. Даже больше, ведь Иоанн безвозвратно отдалился, а Мануил был рядом, и они оба помнили детское дружество и проделки.

Андроник не сомневался, что придворные гордятся Мануилом не меньше, чем он. Вскоре понял, что заблуждается, – Мануил так часто продавал высокие посты людям недостойным и глупым, но заплатившим больше других, что недоброжелатели за его спиной ехидничали: «Император торгует должностями, как фруктами на рынке». Услышав, как Комнина сравнивают с базарным торговцем, Андроник вспыхнул. При встрече с Мануилом об этом заговорил, тот отмахнулся:

– Чепуха, Андроник! При Льве VI на все должности вообще был установлен тариф. Я убежден, что чем дороже кандидат заплатит за место, тем больше будет стараться.

– Если место приобрел честолюбивый профан, мечтающий только о полагающемся к нему золотом ожерелье и украшенном драгоценными камнями воротнике, то его старание не принесет результатов.

– При искреннем желании всему можно выучиться. Утром я утвердил протоспафарием ²⁷молодого человека, который заплатил 15 литер золотом и так искренно и горячо поклялся, что растрогал меня до слез. Да, он пока не имеет опыта, но я абсолютно уверен в этом юноше. Вот, прочти его клятву, пока не унесли в архив.

Андроник пробежал текст: «Я клянусь Богом и святыми Евангелиями, славимым и животворящим крестом, святой Богородицею Одигитрией, всеми святыми, что буду для нашего правителя и императора могущественного и святого Мануила верным слугой в течение всей моей жизни, верным не только на словах, но и в делах, которые совершают добрые слуги для своих хозяев. Я друг его друзей и враг его врагов, я никогда не буду сам готовить никакого замысла, а также не приму участия и не соглашусь ни с чьим замыслом против его друзей и против его величия. Я не совершу ни измены, ни злонамеренного действия, разоблачу перед императором любые направленные против него заговоры и назову имена ответственных за них. Верный и истинный слуга императора, я буду им, если он будет править счастливо, точно следуя истине и не уклоняясь от нее. И, если по воле Божьей с императором случится несчастье или он будет изгнан, я буду сопровождать его, разделю его страдания и подвергнусь тем же опасностям, что и он, вплоть до самой смерти и в течение всей моей жизни».

²⁷ Протоспафарий – верховный сановник и судья.

– Чиновники приносят эту клятву с незапамятных времен и часто ее нарушают, – пожал плечами Андроник. – Со стремлением возвыситься и удостоиться почестей у них развивается склонность к стяжательству. Платон говорил, что раз в государстве почитают богатство, значит, там меньше ценится добродетель. Вот если бы ты не продавал должности, а назначал на них людей знающих и достойных...

– Платон говорил также, что семья себя изжила, и предлагал сделать женщин общими, – оборвал его Мануил. – Будь осторожнее с философскими мудрствованиями. И пойми: на содержание двора нужны средства, а продажа должностей приносит деньги в казну. Зачем это менять? Теперь прощай – мне пора навестить Берту и узнать о ее успехах в изучении греческого, к свадьбе она должна освоить его в совершенстве.

Глава 6

Ненавистные союзники

Пока Мануил развлекался на турнирах, сельджукский атабек Имад ад-Дин Занги захватил Алеппо, Харан и отвоевал у христиан Эдессу²⁸. Многих франков убил, остальных угнал в плен, пощадив сирийцев, армян и греков. Владел городом недолго – сентябрьской ночью 1146 года этот неустрашимый полководец, прозванный «красой ислама», глупо погиб. Выпил, задремал в шатре, приоткрыв мутные от хмеля глаза, увидел жадно допивавших его вино евнухов, пробормотал, что завтра ворам покажет, и был зарезан, как барашек на Курбан-байрам. В окружении атабека гадали: испугались выпивохи, что им за воровство по законам шариата отсекут руки, или выполнили приказ тайных врагов Занги? Утром отряды покойного разделились – одни отправились в Мосул с его старшим сыном Сайф ад-Дином, другие в Алеппо с младшим, Нур ад-Дином, перед поспешным отъездом снявшим с отцовского пальца кольцо, как и у ромеев, считавшееся символом власти. Обмыли и захоронили Занги возле мавзолея Али чужие люди. Франки осмелели, при поддержке уцелевших армян вновь ненадолго вернули Эдессу, но Нур ад-Дин жестоко расправился с мятежниками. Этот худощавый юноша с узкой бородкой оказался замечательным воином и лютым врагом неверных. Под его командованием сельджуки не пощадили уже никого, гоняли раздетых христиан по пылающему городу, вспарывая животы упавшим. Улицы были завалены трупами. Последовавших за отступавшими франкскими воинами горожан турки добивали на равнине и собирали с пропитанной кровью земли украшения, серебряную утварь и монеты. Королева Мелисенда поведала о зверствах папе римскому и попросила о помощи. Вести опечалили всю Европу, в особенности Францию, ведь именно потомки французских рыцарей Первого крестового похода правили Иерусалимом, Триполи и до недавнего времени Эдессой. «Как такое могло случиться?!» – поражались французы. Ответ таился в недалеком прошлом.

Первый поход ²⁹увенчался успехом из-за раздиравших Сирию, Ливан и Палестину нескончаемых междоусобных войн. Борьба между арабскими, тюркскими и египетскими правителями шла постоянно, союзы эмиров были кратки, дворцовые интриги, предательства и убийства стали обычным делом. Явившихся из неведомой Европы крестоносцев восточные правители сперва не восприняли как врагов. Заключались ведь раньше выгодные соглашения о совместных военных действиях с ромеями. Возможно, и крестоносцы могли помочь в грядущих войнах. Эмиры Триполи и Бейрута даже послали в их лагерь ценные подарки и продовольствие, заверив в готовности стать вассалами после взятия Иерусалима. И крестоносцы, изначально пришедшие по просьбе Алексея Комнина лишь для освобождения от сельджуков Анатолии, быстро расширили планы. Почти без препятствий прошли по Сирии и Палестине и взяли город Эдессу. Так появилось Эдесское графство, первое государство крестоносцев на Востоке. Потом подмяли Антиохию, ставшую столицей Антиохийского княжества, второго государства «франков», как называли местные жители всех прибывших с Запада. Затем сорокатысячное войско осадило Иерусалим, охраняемый египетским комендантом с гарнизоном. Через пять недель Священный город сдался, и над ним гордо взвилось знамя крестоносцев. Немедленно был учинен еврейский погром, истреблены мусульмане и ограблены местные христиане, принятые пришельцами за раскольников и еретиков. В новорожденное Иерусалимское королевство вошли три вассальных государства: Эдесское графство, Антиохийское княжество и, после взятия города Триполи, Триполийское графство. Покорить богатые города побере-

²⁸ Взята в 1144 году.

²⁹ Первый крестовый поход 1096–1099 годов.

жья оказалось непросто, осажденные получали по морю помощь из Египта, но флоты Генуи и Пизы отогнали египетские суда. Сдались Бейрут, Сайда, Тир и Банирас. Иерусалимское королевство простерлось от верхнего течения Евфрата и Киликии, включило узкую полосу земель Ливана и Западной Сирии, обняло Палестину, часть Заиордания и Синайского полуострова. Там победителей радовали древние монастыри – лучшее доказательство, что не чужие земли они забрали, а вернули под благодатную сень Креста законно принадлежавшие христианам. Только Дамаск за высокими стенами оставался неприступен, дразня франков переливающимися на куполах мечетей золотыми полумесяцами. Королем Иерусалима крестоносцы избрали Готфрида Бульонского³⁰, но от короны тот смиренно отказался: «Здесь Христос был увенчан терновым венцом, посему принимаю титул защитника Гроба Господня».

Хотя проповедники уговаривали крестоносцев поселиться на Святой земле, почти все после окончания похода возвратились в Европу. Среди оставшихся оказалось много недовольных разделом земель, начались интриги, и франкские рыцари все чаще заключали союзы с мусульманами, чтобы отнять лены у более удачливых единоверцев. За земельными склоками потомки освободителей Гроба Господня забыли о защите завоеванного, поэтому атабеку Занги и удалось вернуть Эдессу, а его сыну Нур ад-Дину закрепить победу отца.

Молодой Людовик VII желал помочь христианам Востока, но мудрый аббат Сен-Дени Сугерий, – крестьянский сын, выросший и воспитанный вместе с отцом Людовика, – от похода его отговаривал. «Ваше величество, у меня нехорошие предчувствия, не принимайте крест сейчас. Поверьте моим сединам, подождите».

Иначе думал любимец папы римского аббат Бернард Клервосский. Высокий, с изможденным постами лицом, церковник так вдохновенно выступил на государственном собрании в бургундском городке Везле, что Людовик, приняв крест, начал собирать армию. В Париж прибыл папа Евгений III, почтил визитом заседание капитула ордена тамплиеров, глядя на благочестивых рыцарей в белых плащах, растрогался: «Дети мои, дарю вам право носить алый крест на левом плече. Пусть сей победоносный символ послужит вам опорой. Никогда не поворачивайте вспять, пока перед вами останется хоть один неверный!»

Когда Бернард поехал в Германское королевство приструнить попустивших еврейские погромы священников, Конрад III пригласил его на встречу первого дня 1147 года. И аббат решил, что Всевышний даровал ему оказию уговорить Гогенштауфена на участие в походе. После торжественной службы придворные предвкушали шумный праздник, но, увидев сидящего рядом с королем Бернарда, притихли и с почтительной робостью разглядывали известного богослова. Надо же, у англичан и франков есть Иоанн Солсберийский, Ансельм Кантерберийский, Абельяр и этот святой отец с насквозь прожигающим тебя взглядом, а они, германцы, не могут похвастаться такими мудрецами.

Священник поднялся и, пристально оглядев присутствующих, заговорил от лица Спасителя. В дворцовом зале воцарилась звенящая тишина, только потрескивали огромные поленья в высоком, на полстены камине. «Человек! Я дал тебе могущество, власть, полноту духовных и физических сил. Какое же употребление ты сделал из всех этих даров для службы Мне?! – громыхал, отдаваясь эхом в дворцовых сводах, голос проповедника. – Ты не защищаешь даже того места, где Я умер, где Я дал спасение душе твоей. Скоро язычники распространятся по всему миру!» Лицо Конрада пошло красными пятнами, на глаза набежали слезы: «Довольно, я буду служить тому, кто искупил меня!»

Летом выступила его разномастная армия: сухопарые рыцари, краснощекие раздобревшие бароны, под которыми прогибались спины лошадей, безбородые юнцы и лихо гарцевавшие амазонки в мужской одежде. За войском следовали паломники и искавшие достаток в дальних краях крестьяне с тощими женами и чумазыми детишками. Затесались в толпу нищие, бродяги

³⁰ Готфрид IV Бульонский (ок. 1060–1100), герцог Нижней Лотарингии.

и воры. Бернард умилялся: «Не правда ли, замечательная идея, достойная Господа – включить в ряды крестоносцев убийц, грабителей, клятвопреступников и развратников, дабы они могли исправиться!» Но эти люди не исправлялись, а обирали и сжигали придорожные деревни.

Огромная армия Людовика продвигалась на юг медленнее германцев, тяжеловесные обозы с пожитками неспешно катились по прокаленным июльским солнцем пыльным дорогам, и по пути к войску тоже присоединялись разбойники.

Мануил отправил первое посольство к германскому императору с предложением действовать сообща, когда тот был еще в венгерских землях, но ответа не получил. Когда германцы шли через Балканы, к ним приехал второй посланник – великий дука Михаил Врана, а в Сирии севаст Михаил Палеолог. Безрезультатно. Вскоре Конрад сам отправил послов – они передали его отказ от совместных действий и просьбу обеспечить армию съестными припасами.

– Я восхищен вашими благочестивыми намерениями и всем сердцем одобряю их, – заверил германцев Мануил, с удовлетворением наблюдая за реакцией беловолосых варваров. Раздавленные роскошью тронного зала, те смотрели на василевса с благоговением. – Ваши воины ощутят, что проходят по своей земле, я прикажу выставить на дорогах еду и все необходимое. Но поклянитесь, что выйдете из римских пределов, не причинив вреда.

– Мы клянемся и обещаем это, василевс! – пророкотал высокий германец с тяжелой челюстью.

– Да поможет вам в пути Господь, – вдохновенно произнес Мануил, осеняя коленопреклоненных посланников крестным знамением.

После их ухода спешно собрал Сенат.

– Великая опасность угрожает нам с Запада, тысячи жаждущих убийств пехотинцев и конников приближаются к столице. Подготовьте как можно лучше войско, исправьте городские башни и укрепите стены. Одна часть войска останется для защиты Константинополя, другая последует на небольшом расстоянии за алеманами и будет удерживать выходящих на грабежи и разбои. Сегодня же начинайте чеканку монет из фальшивого серебра, ежели кто из их ратников захочет что продать, пусть платят им этими монетами.

Отпустив сенаторов, Мануил в раздумье походил по тронному залу, потом вызвал писаря и продиктовал дружеское письмо Масуду. Всего год назад в отместку за его набеги он разбил войско султана при Акроине и разрушил город Филомилий, но при приближении крестоносцев враг и иноверец превратился в союзника.

Напуганные грабежами греки примешивали к продаваемой германским крестоносцам мукe известь, чтобы «поубавить здоровье и спесь» воров. Между войском Конрада и византийцами произошла вооруженная стычка под Филиппополем. Затем жители Адрианополя подожгли дом, в котором остановился на постой захворавший королевский родственник. Он задохнулся в дыму, его деньги пропали, и разъяренный племянник короля Фридрих спалил городской монастырь и казнил грабителей. Это была еще не война, – ее избежали успокоившие Конрада красноречивые византийские священники и аристократы, – но она могла начаться в любой момент. Следовало быстро избавляться от германцев, и Мануил уговорил короля переправиться через Босфор на азиатский берег. Византийские корабли перевозили его войско до позднего вечера, перевозчики насчитали более двадцати тысяч ратников и бесчисленное множество ополченцев, паломников и крестьян. Казалось, никто не страшен такой толпе. Гарцуя на скакуне, Конрад уверенно говорил приближенным: «Мы быстро достигнем Дорилея, где в первом походе были наголову разбиты сарацины, и вновь покажем, на что способны христиане!». Но шли дни, войско продвигалось по высокогорью медленно, запасы воды и еды закончились, поэтому изможденные крестоносцы добрались до цели лишь в конце октября и стали легкой добычей сельджуков. Армия султана умело разделила ряды конницы и пехоты германцев, уничтожила большую часть войска, и униженный король отступил к Никее.

Тем временем к Константинополю подошел Людовик. Девятого октября, в день почитаемого французами Святого Дионисия, Мануил отправил в лагерь крестоносцев для праздничной службы процессию священников с позолоченными разноцветными свечами. Потом принял в столице с почестями короля со свитой, показал святыни в храмах, пригласил на обед во дворец, но для остальных крестоносцев городские ворота оказались закрыты. Отверженные злились, увидевшие город, завидовали его богатствам. Пораженный христианскими святынями епископ Лангра Готфрид с набегавшей в уголках рта белой слюной убеждал короля:

– Возьмите Константинополь, ваше Величество! Разве не греки допустили в свое время захват сарацинами Гроба Господня? Поверьте, когда-нибудь их позорная слабость откроет неверным дорогу на Запад! Городские стены ветхи, народ бездеятелен, лишите жителей пресной воды отведением каналов, и они сами сдадут вам город!

– Папа римский ничего не говорил о взятии Константинополя, мы здесь для освобождения Эдессы, – сдержанно ответил Людовик.

Крестоносцам обустроили рынок, корабли подвозили провизию, греческие менялы деловито отсчитывали деньги. Все испортил толстопузый фламандский паломник, потерявший раскладку при виде гор золотых и серебряных монет на прилавках. Побагровев лицом, стал сгребать и торопливо кидать их в свой мешок с криком «ату!». К нему присоединились другие паломники, и менялы бежали от погрома. Хотя Людовик повесил фламандца и вернул менялам украденное, Мануил закрыл рынок, и в лагере начался голод. Король отправил на поклон к василевсу епископа Лизье и канцлера Бартеlemi. Комнин два дня продержал послов в галереях дворца без еды и питья, а после, приняв на пару минут, процедил сквозь зубы: «В следующий раз, когда ваш господин захочет попросить о чем-то, пусть явится сам. Об условиях сообщу позднее». Через неделю Людовик читал условия Мануила. Тот обещал открыть рынок и снабдить крестоносцев проводниками, но сперва хотел видеть короля во Влахернах, требовал от него и баронов вассальной присяги и свадьбы одной из кузин королевы Алиеноры, – Капетинг взял в поход жену и ее свиту, – с византийским принцем. Кузину королевы король приказал увезти, на остальные условия согласился, несмотря на крики епископа Готфрида про позор присягающих неверному.

Но и в качестве вассала Людовик не внушал константинопольцам доверия. Почему крестоносцы не спешили покинуть предместье столицы? Что держало здесь франков? Каждый вечер в их лагере под стенами города резали быков, свиней и баранов. Кухонные служки устанавливали треножки, – перекладыны, опиравшиеся на три скрещенных копыя, воткнутых остриями в землю, – подвешивали на них объемистые, до черноты закопченные котлы и варили бульоны, рядом на длинных вертелах жарили огромные куски мяса. Для знати устраивали на козлах столы, раскладывали посуду и ножи, простые крестоносцы усаживались с мисками на землю или ели на корточках. Пили неразбавленное вино. Громкие крики пьяных франков звучали угрожающе, визг увивавшихся возле них шлюх резал слух. Языки пламени гигантских, с адскими высверками костров лизали стены Константинополя. С высоких сторожевых башен за крестоносцами безмолвно наблюдала императорская стража. Кожей чувствуя исходящую от лагеря опасность, горожане жили в страхе. Страшно было и Мануилу. Днем он держался, но ночью липкий, давящий ужас мешал заснуть, и василевс до рассвета мерил шагами огромную спальню. Приходила на ум «Алексиада» тетки Анны, в которой она описала крестоносцев Первого похода. Тогда один из его предводителей, высоченный Готфрид Бульонский, будущий правитель Иерусалимского королевства, тоже стоял под стенами столицы с огромной армией, и алчный норманн Боэмунд Тарентский ³¹

³¹ Боэмунд Тарентский (1054–1111) – первый князь Таранто, первый князь Антиохии, один из участников Первого крестового похода, норманн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.